

Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА

Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА

СБОРНИК СТИХОВ ИЗРАИЛЬСКИХ ПОЭТЕСС

**Я СЕБЯ
ДО КОНЦА
РАССКАЗАЛА**

**СТИХИ
израильских поэтесс**

Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА

**СТИХИ
израильских поэтесс**

**БИБЛИОТЕКА - АЛИЯ
1981**

Printed in Israel

את כולי
סיפרתי עד תום

קובץ שירים
של משוררות ישראל

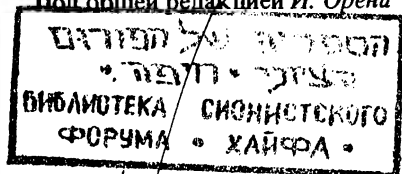
Anthology

Israeli poetesses

עיריית חיפה
מחלקת תרבות הפנאי
מוזון תרבות לעולים
בית ארדסיין - ספריה
מס. מדאי.....

359

Составители: Ф. Гурфинкель и А. Белов
Под общей редакцией И. Орена

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהדות, ניו-יורק

OCR Давид Титиевский, март 2021 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
"Голос горлицы..." А. Белов	1
Рахел Морпурго. Сонет. Пер. В. Глозман	15
Сара Шапира. Сион. Пер. Я. Хромченко	15
Анда Амир-Пинкерфельд. Пер. Р. Левинзон	
Пусть всегда будет накрыт твой стол	17
К кому же еще?	17
Последние цветы	18
"Ты срывал розы..."	18
Мы — грустные люди	19
Этой ночью	19
Колыбельная маме после смерти	19
Сумерки в кафе	20
Парень всем хорош	21
 Тирца Атар	
Так это было. Пер. Л. Владимирова	22
Воскрешение на минуту.	
Пер. Я. Хромченко	23
 Иохевед Бат-Мирьям	
"Спасибо, что дала мне подойти".	
Пер. Л. Владимирова	24
"За мною ты гналась без передышки..."	
Пер. Л. Владимирова	24
"Ломая бурей, тучей нависая".	
Пер. Я. Хромченко	25
Эрец-Исраэль. Пер. А. Пэнн	25
Такая, как есть. Пер. Р. Левинзон	26
"Пахнет пылью, водой..." Пер. А. Гинзай	27
Прощание. Пер. А. Гинзай	28
"Сидят седые старушки..." Пер. А. Гинзай . . .	29

Проливается даль... Пер. Р. Левинзон	30
Выйди в дождь. Пер. А. Гинзай	31
“Как легка тонконогая птица!..” Пер. А. Гинзай	31
Фаня Бергштейн	
Сбор винограда. Пер. В. Глозман	33
Все началось... Пер. Я. Хромченко	34
Я знаю. Пер. Я. Хромченко	35
Мирьям Бернштейн-Кохен	
Мы, матери. Перевод автора	36
Иона Волах	
Чудовище-серна. Пер. Р. Левинзон	39
О море, небо... Пер. С. Гринберг	40
Предсномстихи. Пер. С. Гринберг	41
Два сада. Пер. С. Гринберг	41
Леа Гольдберг	
Город	43
Кольца дыма. Пер. Э. Готесман	
1. “Тени дыма по стенам легко летят...”	43
2. “Подкрался вечер...”	44
Лисьи песенки. Пер. Э. Готесман	
1. “Два образа мне удалось сберечь...”	44
2. “Виноград крадут лисы малые...”	45
Деревья. Пер. Т. Должанская	45
О цветении (Терцины). Пер. О. Файнгольд и А. Пэнн.	46
Я шла тогда. Пер. В. Глозман	49
“Красивый, древний гимн...” (сонет). Пер. В. Глозман	49
В этот день. Пер. Л. Владимирова	50
“Неужто мы дни всепрощения узреем...” Пер. Э. Готесман	51
Сосны (сонет). Пер. В. Глозман	51
Эул в Галилее. Пер. Я. Хромченко	52
Последнее сияние. Пер. Я. Хромченко	53

Любовь Терезы дю Мён (сонеты)

Пер. Р. Баумволь.	53
Сонеты любви. Пер. Б. Камянов	
1. "Те, чья улыбка..."	59
2. "Расстались мы..."	60
Завтра. Пер. Я. Хромченко	60
Из песен страны моей любви	
2. "В стране моей любви миндаль цветет..."	
Пер. В. Глозман	61
3. "Страна любви моей убога..."	
Пер. Я. Хромченко	62
"Небеса умирают..." Пер. Я. Хромченко	63
Последние слова. Пер. Я. Хромченко	63
С этой ночью. Пер. Я. Хромченко	65
Всматривание в пчелу. Пер. Я. Хромченко	65
Выходной. Пер. Я. Хромченко	66
С моста. Пер. Л. Владимирова	66
О себе. Пер. В. Глозман	
1. "Мой век в моих стихах запечатлен"	68
2. "Просто — снег был..."	68

Зелда

Когда жил царь. Пер. Ф. Гурфинкель	69
Не отринь меня от лица Твоего.	
Пер. Ф. Гурфинкель	69
Песок приморский, страшный песок.	
Пер. С. Гринберг	70
Горести тела. Пер. Ф. Гурфинкель	71
Слабое эхо. Пер. Ф. Гурфинкель	72
Гости души в пору одиночества.	
Пер. Ф. Гурфинкель	72
Женщина, дожившая до глубокой старости	
Пер. Ф. Гурфинкель	73
Семья картежника. Пер. Ф. Гурфинкель	73
Всю ночь я плакала. Пер. Ф. Гурфинкель	74
Когда небеса — бушующее пламя.	
Пер. Ф. Гурфинкель	74
"Все это вдруг поковеркано..."	
Пер. С. Гринберг	75

Пир. Пер. Ф. Гурфинкель	76
Каждая лилия. Пер. Ф. Гурфинкель	76
Я стояла в Иерусалиме.	
Пер. Ф. Гурфинкель	77
Кармел незримый. Пер. С. Гринберг	78
Тогда закричит душа моя.	
Пер. Ф. Гурфинкель	78
Дни горящие. Пер. Ф. Гурфинкель	79
Солнце осветило ветку влажную.	
Пер. Ф. Гурфинкель	79
Не отдаляйся! Пер. Ф. Гурфинкель	80
Не отдаляйся! Пер. С. Гринберг	81
Когда ты был здесь. Пер. Ф. Гурфинкель	81
Дикий диалог. Пер. Ф. Гурфинкель	82

Рина Клинова

Лучше бы... Пер. Я. Хромченко	83
Мелодия. Пер. Я. Хромченко	83
В городе. Пер. Л. Владимирова	84

А. Маргалит

Врата открылись. Пер. Р. Баумволь	85
---	----

Ривка Мирьям

Я. Пер. Р. Левинзон	87
Народ мой. Пер. Р. Левинзон	87
Мне кончат песни птиц.	
Пер. Ф. Гурфинкель	88
К земле моей. Пер. Р. Левинзон	88
Песня о море. Пер. Р. Левинзон	89
Песня о море. Пер. Ф. Гурфинкель	89

Эстер Раб. Пер. Р. Левинзон

"Сердце мое..."	90
Тель-Авив	90
"К тебе я тяну ладони..."	91
Отцу	91
"Налей вино..."	92
Первым	93

Песня прошедшего лета	93
Песня женщины	94
Плачущая женщина	95
"Господи, от "процедуры" до "процедуры" . .	96
"Еще остались дни..."	96

Далия Равикович

Ты же помнишь. <i>Пер. Р. Левинзон</i>	97
Одежда. <i>Пер. Р. Левинзон</i>	98
Гордость. <i>Пер. Р. Левинзон</i>	99
Гордость. <i>Пер. С. Гринберг</i>	100
Мой дом. <i>Пер. Р. Левинзон</i>	100
Пришла зима. <i>Пер. Р. Левинзон</i>	101
Страсть. <i>Пер. В. Глозман</i>	102
"На ночном шоссе..." <i>Пер. В. Глозман</i>	102

Рахел

Арва и Рона	104
Настроение. <i>Пер. Я. Хромченко</i>	104
"Ты ли это..." <i>Пер. Я. Хромченко</i>	105
"Я боялась..." <i>Пер. Я. Хромченко</i>	105
"В моем одиночестве..." <i>Пер. Л. Владимирова</i>	105
"Рукою доброю погладь..." <i>Пер. Я. Хромченко</i>	106
В ночи бессонные. <i>Пер. Я. Хромченко</i>	106
"Без слов, без движенья..." <i>Пер. Л. Владимирова</i>	106
Стране моей. <i>Пер. М. Ялан-Штекелис</i>	107
Рахел. <i>Пер. Я. Хромченко</i>	107
На чужбине. <i>Пер. Ф. Гурфинкель</i>	108
Превращение. <i>Пер. Я. Хромченко</i>	108
"Если даже не раз говорила..." <i>Пер. Я. Хромченко</i>	109
"А та, другая..." <i>Пер. Л. Владимирова</i>	109
"Я себя до конца рассказала..." <i>Пер. Ф. Гурфинкель</i>	110
Бездетная. <i>Пер. М. Ялан-Штекелис</i>	110

”Может быть, никогда...”

Пер. М. Ялан-Штекелис 111

”Может быть, никогда...” *Пер. А. Рафаэли* 111

Коль судьбой уготован мне путь.

Пер. А. Рафаэли 112

В городе. *Пер. Я. Хромченко* 112

Песня. *Пер. Я. Хромченко* 113

”Напрасен мой испуг...” *Пер. Я. Хромченко* . . 113

”Не раз в летний день...” *Пер. А. Рафаэли* 114

”О мать моя, моя страна...”

Пер. Л. Владимирова 114

Ночью. *Пер. Я. Хромченко* 115

Горам. *Пер. Л. Владимирова* 115

Весна. *Пер. Л. Владимирова* 116

”Хоть сердце и стонет...”

Пер. М. Ялан-Штекелис 116

”О радость робкая...” *Пер. Я. Хромченко* 117

Своею рукой. *Пер. А. Рафаэли* 117

В ночи былые. *Пер. Я. Хромченко* 118

”Я из ”нельзя” плела свои канаты...”

Пер. Л. Владимирова 118

Мои мертвецы. *Пер. М. Ялан-Штекелис* 119

Хана Сенеш

”Среди моря огня”. *Пер. Р. Баумволь* 120

К матери. *Пер. В. Горт* 120

Собирая цветы. *Пер. А. Рафаэли* 121

”Умереть... молодой...” *Пер. В. Горт* 121

”Умереть... молодой...” *Пер. А. Рафаэли* 122

”Боже, даруй бессмертие...” *Пер. В. Горт* 122

На пути. *Пер. В. Горт* 122

”Благостно спичке сгоревшей...”

Пер. В. Горт 123

”Как счастлива доля той спички...”

Пер. А. Рафаэли 123

”Шаг, два, три шага...” *Пер. В. Горт* 124

Ализа Тур-Малка

Пурпуровые стихи. *Пер. Я. Хромченко* 125

Хедва Харехави

- Тьма была синей. *Пер. Р. Левинзон* 127
Нежно. *Пер. Р. Левинзон* 127
Всегда, когда приходят змеи.
Пер. С. Гринберг 128
Потом прогнали меня оттуда.
Пер. Р. Левинзон 129

Пуа Шалев-Торен *Пер. Б. Левенталь*

- Врата сердца 130
В стране чудес 130

Бат-Шева Шариф. *Пер. Р. Левинзон*

- Исполнение песни любви 132
С ведома и согласия 133
И я сотру 133

Нооми Шемер

- Четыре брата. *Пер. А. Рафаэли* 135
Золотой Иерусалим. *Пер. Л. Владимирова* . . . 136
Золотой Иерусалим. *Пер. А. Гиль* 137
Золотой Иерусалим. *Пер. А. Рафаэли* 138
Мой боец пришел домой. *Пер. А. Рафаэли* . . . 140
Завтра. *Пер. А. Рафаэли* 141

Элишева

- "Эти малые цветики..." *Пер. Я. Хромченко* . . . 143
Листопад. *Пер. Я. Хромченко* 143
Весь день-деньской я грежу.
Пер. Я. Хромченко 144
Расстались навсегда. *Пер. Я. Хромченко* 144
На берегу Киннерета.
Пер. Л. Владимирова 145
Как тень крыла. *Пер. Я. Хромченко* 146
Лехаим! *Пер. Я. Хромченко* 146
Такой подарок. *Пер. Л. Владимирова* 147
Перед расставанием.
Пер. Л. Владимирова 147
Беседа с ветром. *Пер. Л. Владимирова* 148

Мирьям Ялан-Штекелис. Перевод автора

Ура!	149
Я так люблю тебя	150
Людам	151
Хочу ли я иль не хочу	151
Утро	152
Говорят словами те	153
Как будто жутко мне	153
Когда мать моя подошла к воротам	153
Письмо	155
Молитва	156

Коротко об авторах	159
-------------------------------------	------------

Рахел

בן לו קִיָּה לִי ! יֶלֶד קָטָן,
 נֶשֶׁחַד תִּלְתְּלִים וְנִבְזֵן.
 לֵאמֹחַ בְּיָדוֹ וְלִפְסַע לֵאט
 בְּשִׁבְלֵי הַגֶּן.
 יֶלֶד.
 קָטָן.

אֲנִי אֶקְרָא לוֹ, אֲנִי נִשְׁלִי ;
 בֶּן. וְצִוִּיל הוּא הַנֶּשֶׁם הַקָּצֵר.
 רִסִּיס נִקְרָה .
 לִילְדֵי הַנֶּשֶׁחַד־חֹדֶר
 "אֲנִי ו" —
 אֶקְרָא !

עוֹד אֶתְמַרְמֵר קְדִיחַל הָאֵם.
 עוֹד אֶתְפַּלֵּל קְחָה בְּנִשְׁיִלָּה.
 עוֹד אֶחֱפָה
 לוֹ.

(Raxel)

ГОЛОС ГОРЛИЦЫ...

”Цветы показались на земле, время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей”.

(Песнь Песней 2:12)

В создании еврейской поэзии женщины принимали участие уже в глубокой древности. Нередко поэтическое творчество древних озарялось пророческим даром, и Библия сохранила имена поэтесс-пророчиц — Мириам и Деборы. Когда после исхода из Египта в морских водах погибло воинство фараона, пророчица Мириам (сестра Моисея) взяла в руки тимпан, ”и вышли все женщины за нею с тимпанами и в хороводах. И воспела им Мириам: пойте Господу, ибо высоко Он превознесся, коня и всадника его вверг он в море” (Исход 15:20—21). Пророчица Дебора была в числе судей, возглавлявших колена Израилевы. Когда ханаанеяне, имевшие сотни колесниц, стали угрожать северным коленам Израиля, она призвала народ дать отпор врагу и возглавила вместе с военачальником Баракком ополчение из десяти тысяч человек, которое наголову разбило неприятельские войска в Изрезльской долине. Знаменитая ”Песнь Деборы”, с большой поэтической силой воспевающая эту блестящую победу, составляет пятую главу книги Судей.

Когда народ укрепился на своей земле, ”каждый под своей виноградной лозой и под своей смоковницей” (I кн. Царей 5:5), появились песни, воспевающие жатву и сбор винограда, стрижку овец и другие эпизоды сельского труда. Часть их, возможно, сочиняли женщины. Своих сыновей, мужей и братьев, возвращавшихся с поля брани, матери, жены, невесты

встречали хороводами и радостными песнями. Бытовали трогательные колыбельные, любовные и свадебные песни. Жемчужиной поэтического творчества является молитва Ханны — матери пророка Самуила (I Сам. 2:1 — 10).

Коренным образом изменилась ситуация в годы изгнания (галута). Еврейская женщина по-прежнему пользовалась глубоким уважением и была равноправна, но ее жизнь, как правило, замыкалась узкими рамками семьи. На нее нередко возлагалась также обязанность добывать средства к существованию, когда муж всецело отдавался изучению Талмуда. В силу этого образование, которое получали девушки, было весьма скудным и сводилось обычно к умению выполнять религиозные предписания. Неудивительно, что на протяжении многих столетий мы не встречаем женщин среди писателей и поэтов, пишущих на иврите. И лишь в период Хаскалы (Просвещения) в литературе появляется первая еврейская поэтесса — Рахел Морпурго. Все ее творчество пронизано любовью к Сиону, страстной мечтой о возвращении на Святую Землю и о возрождении ее былой славы.

В 90-х годах 19 века по всей черте оседлости царской России и далеко за ее пределами прозвучало стихотворение "Сион". И сразу приобрело широкую популярность имя автора — Сары Шапира. Это стихотворение читали на собраниях молодежи и литературных вечерах, заучивали наизусть и декламировали на семейных торжествах, включали в хрестоматии и сборники. То был период национального пробуждения народа, предшествовавший сионизму и известный в истории под названием "Хиббат Цион" ("Любовь к Сиону"). Простые, бесхитростные строки о готовности на любые жертвы ради возвращения в Сион нашли живой отклик в тысячах сердец.

Когда в Эрец-Исраэль устремились пионеры-халуцим, чтобы трудом и потом возродить древнюю родину, в их числе было немало девушек. Голос женщин громко зазвучал в еврейской поэзии.

В 1909 году в потоке репатриантов так называемой Второй алии прибыла в Эрец-Исраэль замечательная израильская поэтесса Рахел (Бловштейн). Не голод и нужда, не гнет и преследования привели эту 19-летнюю девушку в страну предков, а высокие идейные побуждения. Под влиянием идей социальной справедливости и национального возрождения Рахел, дочь состоятельных родителей, решила своим трудом зарабатывать на жизнь и переселиться в Палестину, которая находилась тогда под властью турок. Изнеженная барышня очень быстро превратилась в энергичную труженицу. Суровая, полуголодная жизнь без всяких удобств не только не тяготила ее, но давала ощущение счастья и радости. Четыре года на родной земле пробудили творческий талант Рахел, дали силы преодолевать суровые невзгоды последующих лет, помогли стойко переносить удары судьбы.

Один из лидеров рабочего движения М. Бейлинсон опубликовал в 1928 году статью "Четверть века Второй алии", в которой в трагических тонах говорил о судьбе ее представителей. Рахел ответила ему статьей "Жертвы?".

"Не жертвы мы, а дерзновенные победители, подобные альпинистам, под ногами которых разверзлась бездна, а они взбираются наверх и дышат воздухом вершин... Рано утром... отправляться в поле, в сад для очищающего, обновляющего, возвышающего соприкосновения с матерью-землей... И верить, и мечтать, и надеяться — разве можно такую жизнь назвать буднями?.. Бейлинсон видит героизм людей Второй алии в том, что они пренебрегли изобилием, которое имелось в диаспоре, и добровольно подчинились горестной жизни на опустошенной родине. А для меня вся суть в дерзновении быть счастливой и в готовности уплатить ценой жизни за это счастье на возрождающейся родине".

Эта статья Рахел, с большой силой выражающая ее жизненное и поэтическое кредо, — вдохновенный гимн сионизму и халуцианству. В очерке "У озера" с

подзаголовком "Из воспоминаний киннеретянки" варьируется та же мысль:

"Чем скуднее была трапеза, тем веселее звучали молодые голоса. Благоденствия мы боялись превыше всего. Мы жаждали жертвенности, мученичества, вериг... во славу ее — Родины — святого имени. Помню, сажали эвкалипты на болотистом участке, в том месте, где Иордан прощается с Киннеретом и мчится на юг, пенясь по камням и заливая низкие берега. Опасно в продолжение целого дня дышать миазмами, и не одна из нас дрожала потом в лихорадке на своем убогом ложе. Но ни одну из нас ни на минуту не оставляло чувство признательности судьбе, и работалось почти вдохновенно"*.

Такое мироощущение наделило долгой жизнью поэзию Рахел, сделало ее хлебом насущным не только для ее современников, но и для последующих поколений. Многие ее стихи о Киннерете, о жизни халуцим, о природе, о неразделенной трагической любви положены на музыку и пользуются всенародной известностью. Для них характерны искренность и простота выражения, интимность и доверительность интонации, предельный лаконизм. Ей были органически чужды риторика, выпренность, ложный пафос. Очень много в ее стихах образов, заимствованных из самой жизни, из нового быта. Вместе с тем ее творчеству присущ историзм. Она ощущает себя частицей древнего народа со славной историей и великими предками:

Да, кровь ее в крови моей
и песня в песне неустанной.
Рахел, пастушка стад Лавана,
Рахел, праматерь матерей.

(Перевод Я. Хромченко)

Есть у нее стихи, героями которых выступают Илья-пророк, верный друг царя Давида Ионатан,

*Перевод с иврита на русский сделан самой поэтессой.

Хони ха-Меагел*, дочь царя Саула Михал и многие другие. Историческая тема в этих стихах приближена к нашим дням и звучит весьма актуально.

Последние десять лет ее короткой жизни — это годы одиночества и тяжелой, безнадежной борьбы с неизлечимой болезнью, проведенные в отрыве от любимого Киннерета и от кибуца Дгания. И эти же годы стали периодом интенсивного поэтического творчества Рахел. С скромное по объему литературное наследие Рахел стало органической частью национальной культуры.

Современницей Рахел была поэтесса Элишева. Русская по происхождению (урожденная Жиркова Елизавета Ивановна), она в предреволюционные годы увлеклась ивритом и основательно изучила его в Москве на вечерних курсах. Влюбившись в своего учителя иврита Шимона Быховского, она в 1920 году вышла за него замуж, а в 1925 году вместе с мужем уехала в подмандатную Палестину. Начав еще в России переводить стихи с иврита на русский, она затем перешла на иврит и достигла значительных успехов. Ее короткие лирические стихи, музыкальные и искренние, пришлись по вкусу читающей публике. Вскоре она стала писать и прозу — рассказы и повести, опубликовала роман, часто выступала в периодической печати с рецензиями.

Стихи Элишевы близки по характеру и стилистике творчеству Рахел, но в них нет трагедийного накала страстей, типичного для стихов Рахел. Элегическое начало, тихая грусть о невосполнимых утратах и несбывшихся надеждах — преобладают в лирике Элишевы. Она не была сионисткой, хотя и прожила четверть века на земле Израиля. И если, издав в молодости две книги стихов на русском языке, она потом писала только на иврите, это объясняется лишь

* Известный праведник и чудотворец, живший в Иерусалиме в 1 в. до н. э. О нем повествуется в Талмуде и в "Иудейских древностях" Иосифа Флавия.

тем, что древний и вместе с тем молодой язык очаровал и покори́л ее. Сама поэтесса писала в своей автобиографии: "Меня очень увлек и воспламенил этот язык сердца и грез..." Литературная критика по праву называет ее прозелиткой иврита, подчеркивая уникальность этого явления. Литературовед Х. Торен справедливо отметил во вступительной статье к сборнику ее стихов "Ялкуп ширим" (1970):

"Поэзия Элишевы, как и поэзия Рахел, дополняет то, что отсутствовало в свое время в стихах ее современников мужчин. Мы имеем в виду легкость мелодии, утонченность чувств при передаче интимных переживаний, простые и чистые настроения, от которых поэзия нашего поколения успела отдалиться на изрядное расстояние. Легко и естественно, без риторики и украшения передает поэтесса свою тихую тоску по крупице счастья и душевного покоя, которые природа отпускает нам так скупой".

Если поэтессы, о которых мы говорили ранее, пришли к Эрец-Исраэль и ее древней культуре издалека, из других стран и других литературных миров, то Эстер Раб — дочь Израиля. Ей не пришлось привыкать к суровым сельским будням с их нелегким трудом под палящими лучами солнца — она познала их с молоком матери в Петах-Тикве. Не было необходимости и специально приобщаться к языку Библии и пророков, ибо на иврите она произнесла свои первые слова и другого языка в детстве не знала. Естественно, что в поэзии Эстер Раб зазвучали совсем другие нотки — резкие, подчас даже колющие, подобно характеру многих *сабр* (местных уроженцев). И не случайно свой первый сборник стихов она назвала "Терновники" (1930). В ее поэзии пейзажи, запахи и голоса родины — не экзотика, не предмет умиления и восхищения, а естественный фон привычной, будничной жизни. Поэтому в ее стихах так много образов и сравнений, заимствованных не из книг, легенд и сказаний, а прямо из живой природы и реального быта. О своем возлюбленном, например, она пишет:

”Ты — как эвкалипт после бури: || усталый, сильный, качаешься на ветру”. В минуту отчаяния она восклицает: ”Спрячу в песке лицо свое, || как верблюд, ищущий пропавшие следы”. Если для нашего европейского уха эти сравнения звучат экзотически и непривычно, то для уроженцев страны они совершенно естественны.

Критика сразу обратила внимание на то, что в стихах Эстер Раб нет обычной для женской поэзии мягкости, материнской сердечности, интонаций сострадания. Стих ее, крепко сколоченный и вполне материальный, демонстрирует характер, силу, независимость, подчас даже с элементами агрессивности. В некоторых ее любовных стихах женщина, а не мужчина задает тон, командует, навязывает свою волю:

”Всю ночь за собой, по трудным дорогам, || в цепях неразрывных тебя волочила,” — признается она в одном из ранних своих стихотворений. В другом стихотворении поэтесса предупреждает:

”Ты будешь так меня любить, || что ежедневно сердце твое будет разрываться, || ибо не стану подругой твоей навеки...”

Любовь ее сильная, гордая, требовательная, мятежная, бескомпромиссная. Но и ей ведомы минуты женской слабости и отчаяния.

Эстер Раб говорит ”на равных” с царями и пророками: ”Семь раз окунуть в море || и пойду навстречу другу моему Давиду... || А с Деборой под пальмой || буду пить кофе и беседовать... о войне и обороне...”

Совсем иного склада поэзия Иохевед Бат-Мирьям. Во многих отношениях она и Эстер Раб — антиподы. Конкретности, ”вещности”, предметности, энергии стихов Эстер Раб противостоит абстрактность, расплывчатость, зыбкость, неопределенность поэтических настроений и образов Иохевед Бат-Мирьям. А ведь и она, подобно Эстер Раб, выросла на лоне природы, в деревне, в семье сельского мельника. Но деревня эта была белорусской, и ее семья была лишь маленьким островком в чуждом и враждебном мире. Отец, на-

божный хасид и фанатичный приверженец учения Хабад*, обучал своих детей святому языку, Библии, еврейским законам и обычаям, с самого раннего возраста прививал им любовь к своему народу и его духовному наследию. Но впечатлительная и чуткая Иохевед воспитывалась также и на русской классической и современной литературе, увлекалась Блоком и Гумилевым, училась в Одесском и Московском университетах. В Эрец-Исраэль она прибыла зрелым, сформировавшимся человеком, много испытывавшим, познавшим разочарование и горе. И на новой родине ее преследовали неудачи: она рассталась с мужем, известным писателем Хаимом Хазазом, долго и тяжело болела, потеряла в Войне за независимость единственного сына... Все это наложило печать на ее творчество. На смену трепетной лирике и религиозному экстазу первого стихотворного сборника "Издаেকে" (1932) пришла усложненная, туманная символика последующих книг.

Многие стихи Бат-Мирьям — это размышления вслух, фрагменты большого, нескончаемого монолога. Когда мы беседуем сами с собой, нет необходимости ставить все точки над "і", до конца все разъяснять и разжевывать, ибо "собеседник" в курсе дел. Но когда такая беседа зафиксирована на бумаге и попадает в руки читателя, он, человек непосвященный, не может, естественно, многого понять. Открыв, например, сборник стихов "Свидание" (1940), неподготовленный читатель вряд ли догадается, что это свидание с ангелом смерти и что стихи написаны в больнице во время тяжелой болезни. Но он не сможет не проникнуться настроением поэтессы.

Усложненная и зашифрованная поэзия Иохевед Бат-Мирьям отражает сложную, трудную, неустроенную, полную противоречий жизнь еврейской интелли-

* Хабад (аббревиатура ивритских слов "ум, мудрость, знание") — хасидское мистическое учение, возникшее в конце 18 в. и получившее распространение в Белоруссии и Литве.

генции. Эпиграфом к одному из своих стихотворных циклов поэтесса избрала строки Н. Гумилева: "Мир лишь луч от лика друга, || Все иное — тень его". Эти слова вполне приложимы и к ее поэтическому мироощущению.

Совершенно иной характер присущ творчеству поэтессы-киббушницы Фани Бергштейн. Она, как и Бат-Мирьям, — уроженка Белоруссии, она тоже получила еврейское воспитание в раннем детстве, приобщилась к ивриту, Библии и еврейской истории. Впоследствии, в русской гимназии г. Сумы, она познакомилась с русской литературой. Но когда Фане исполнилось 14 лет, ее родители переехали в Польшу. Там она вступила в ряды юношеской организации "Хехалуц хацаир", и это определило всю ее дальнейшую судьбу. Увлеченная благородными идеями национального и социального возрождения народа на своей земле, Фаня со всем пылом молодости отдается практическому претворению этих идей в жизнь. Она — активная участница первого семинара организации "Хехалуц" в 1926 году. Готовясь к переезду в Эрец-Исраэль, Фаня проходит сельскохозяйственную подготовку, становится членом руководства "Хехалуца", посещает его отделения в местечках и летних молодежных лагерях, читает доклады, ведет большую организационную работу, активно сотрудничает в сионистской прессе. В это же время она публикует свои первые стихи.

Еще в 18 лет врачи решительно запретили ей всякие физические нагрузки в связи с тяжелым сердечным заболеванием. Но ее идеалом был киббуц, где жизнь строится на личном участии каждого в трудовой жизни коллектива. Переехав в 1930 году вместе с мужем в Эрец-Исраэль и вступив в киббуц Гват (Изрезльская долина), она, всю жизнь мечтавшая о полях и виноградниках, вынуждена была работать на складе одежды, штопать чулки и носки. Затем, стремясь принести больше пользы, Фаня осваивает швейное дело и становится портнихой. Самое

счастливого время для нее — два летних месяца, когда ей разрешают работать на упаковке ящиков с виноградом. Фаня, мечтавшая исходить вдоль и поперек всю страну, из-за болезни была вынуждена почти безвыездно жить в своем киббуце, а последние пять лет была прикована к постели. И все эти годы она неутомимо творила — писала стихи для взрослых, рассказы, стихи и пьесы для детей, редактировала газету киббуца. В ее поэзии мы не найдем жалоб на судьбу и на тяготы жизни — в них звучит гимн труду на возрожденной земле, любовь к детям, восхищение природой, радость преодоления трудностей.

Колесо себе крутится,
Пальцы мечутся. Пока
Нитка тянется, стремится, —
В колесе кружась, рождается
Песня прялки — на века...

(Перевод В. Глозмана)

Ясность ее стиха, четкость и простота изложения определялись иногда прямым "социальным заказом" местных школьников. Дети частенько заглядывали к "тете Фане" и просили сочинить стихи к какому-либо празднику или торжественному событию. И она, уважая своих юных читателей, писала так, чтобы это им нравилось, доставляло радость. Помимо двух сборников лирики (впоследствии переиздававшихся), она опубликовала 18 книжек для детей всех возрастов, начиная от самых маленьких. Многие ее детские стихи положены на музыку и изданы вместе с нотами. Вышли также грампластинки с 13 песнями и сборник стихов для слепых детей, отпечатанный шрифтом Брайля. Трудно поверить, что все это написано смертельно больным человеком в свободное от основной работы время.

Как популярная детская поэтесса известна и Мирьям Ялан-Штекелис, стихи которой в настоящем сборнике представлены ее собственными переводами с иврита на русский язык.

Успехи модернизма двадцатых и тридцатых годов в ивритской поэзии неразрывно связаны с именами Авраама Шлионского и поэтами его школы, среди которых Леа Гольдберг (наряду с Натаном Альтерманом) занимает самое почетное место. В ее личности гармонично сочетались высокий интеллект и тонкая, ранимая душа, энциклопедическая образованность и яркий поэтический талант, европейская широта мышления и глубокая преданность национальным традициям. Доктор философии, воспитанница Берлинского и Боннского университетов, профессор Иерусалимского университета, Леа Гольдберг была большим знатоком мировой литературы, а в русской, немецкой, французской чувствовала себя, как дома. Ее творческое наследие велико и разнообразно, оно включает в себя роман из современной жизни, рассказы для детей, пьесы, оригинальное литературно-критическое эссе и исследования, переводы "Войны и мира" Льва Толстого и "Пер Гюнта" Генрика Ибсена, произведений Горького, Чехова, Генриха Манна, стихов Анны Ахматовой, Рильке, Бодлера, Верлена, Петрарки и других авторов. В ее стихах и поэмах целый мир утонченных чувств и переживаний, облеченный в совершенную поэтическую форму. Ее короткие, как правило, лирические стихи дают обильную пищу для размышлений и никого не оставляют равнодушными, в них "тесно словам и просторно мыслям".

Виртуозно владея всеми стихотворными жанрами, она обогатила поэзию на иврите 13-строчным сонетом, названным ею "шир ахава" ("песнь любви") в отличие от обычного 14-строчного сонета — "шир-захав" ("золотая песнь")*. Она одна из немногих в еврейской поэзии, удачно использовавших форму терцины.

* Буквы еврейского алфавита имеют также числовое значение. Сумма цифр слова "захав" ("золото") — 14, а слова "ахава" ("любовь") — 13, что соответствует числу строк в этих видах сонета.

Безусловного внимания заслуживает творчество молодых израильских поэтесс. Современная поэзия — и не только израильская — становится все более изысканной, рафинированной, индивидуалистической. Общественно значимая тематика отступает на второй план. На авансцену выходят интимные переживания, эротика, секс, сюрреалистические видения, галлюцинации. Поэтическая строфа, в организации которой первейшая роль принадлежала рифме и ритму, деформируется, теряет свои привычные признаки. Превалирует свободный стих и стих с замаскированной и внутренней рифмой, чаще всего — с ассонансом.

Новейшая поэзия Израиля имеет своих читателей и поклонников, и критика воздаст должное ультрамодернистским поэтам за то, что им удастся "с большим мастерством передать психологические процессы, возникающие в затаенных уголках души современной еврейской молодежи".

К числу наиболее интересных представителей этого течения, которое принято называть "Новая волна", принадлежит поэтесса Бат-Шева Шариф. Уже более десяти лет публикует она свои стихи, но тщетно читатель стал бы искать в них конкретные признаки событий этого бурного и значительного периода нашей истории. Поэтессу занимают лишь движения человеческой души и отвлеченные философские проблемы. Почти в каждом ее стихотворении мы находим библейские реминисценции, фразы из молитв, изречения выдающихся талмудистов. Все это трансформируется в ее творчестве весьма своеобразно. Канонические тексты редко используются поэтессой в их прямом смысле, чаще всего она находит в них новые, непривычные для нас нюансы и оттенки, что нередко озадачивает читателя.

В программном стихотворении "Исполнение песни любви", давшем название одному из ее сборников, поэтесса обыгрывает музыкальные термины "фортиссимо" ("очень громко"), "пианиссимо" ("очень

тихо") и названия всех промежуточных градаций силы звука. Можно сказать, что и в своем поэтическом творчестве она мастерски использует все степени звучности полюбившихся ей библейских слов. В своей последней книге "Избери время" (1981) в цикле "Семь стихов о любви" поэтесса неожиданно для читателя возвращается к традиционной строфической форме с конечной рифмой и четким ритмом.

Обилие красок и света в поэзии Хедвы Харехави заставляет вспомнить о ее второй профессии — профессии художницы. Стихи заполнены кошмарами, причудливыми видениями потустороннего мира, в них сильны элементы мистики и часто являются смерть и мертвецы. Но, читая эти стихи, невольно вспоминаешь слова Льва Толстого, сказанные в адрес Леонида Андреева: "Он пугает, а мне не страшно..." Значительно сильнее лирическая струна в творчестве Хедвы Харехави, ее не могут заглушить никакие модернистские наслоения. Некоторые критики считают, что чрезмерное увлечение поэтессы мотивами смерти является своеобразным преломлением израильской действительности с ее кровопролитными войнами и постоянными актами диверсий. Возможно, в этом есть доля истины, однако нам кажется, что молодая поэтесса еще не до конца нашла себя и не всегда говорит собственным голосом.

Для творчества Ионы Волах характерны увлечение миром сновидений и грез, предельно откровенное выражение интимных чувств и гиперболизированная эротичность. Временами она обращается к разработке философских тем. В поисках наиболее точных средств выражения Иона Волах нередко использует то слитное написание двух-трех слов, то, напротив, расчленение одного слова, пытаясь создать иллюзию "потока сознания", игнорирует знаки препинания и т. п.

Модернистским поискам большинства молодых поэтов — и поэтесс — словно противостоит благородный лиризм их современницы, иерусалимской поэтессы старшего поколения, Зелды. И в ее стихах немало

трагических нот, и она говорит о несовершенстве жизни и несбыточности мечты о счастье на земле, но глубокая чистая вера и цельное религиозное мировоззрение поэтессы освещают все ее творчество.

Особняком стоит творчество Ривки Мирьям, родители которой были в числе немногих евреев, избежавших гибели в оккупированной немцами Польше. Катастрофа и гибель европейского еврейства — лейтмотив ее творчества, вызывающего живой отклик в сердцах тысяч и тысяч читателей.

В этот сборник включены стихи наиболее известных израильских поэтесс, за его пределами осталась большая группа поэтесс-киббуцниц, группирующихся вокруг издательства "Хакиббуц хамеухад" и журнала "Мибифним", поэтесс религиозного направления, главной трибуной которых является журнал "Мабуа", поэтесс, пишущих для детей, и поэтесс, пишущих для эстрады.

Можно не сомневаться, что к тем немногим переводным книгам ивритской поэзии, которые изданы за последние годы (Натан Альтерман "Серебряное блюдо", Иегуда Галеви "Сердце мое на Востоке", Зелда "Стихи", Давид Авидан "Криптограммы с борта разведспутника", Авраам Шлионский "Горы Гильбоа", Натан Ионатан "Соль и свет", сборник "Еврейская средневековая поэзия в Испании"), в недалеком будущем прибавятся новые. Поэзия на иврите уже перестала быть для русскоязычного читателя "terra incognita". Мы надеемся, что интерес к ней будет расти.

А. Белов
Иерусалим

*Заныла вдруг душа: беда! беда!
Вознесся дух мой – я собой горда.
Я голос услышала: "Навсегда
Останутся, Рахел, твои стихи".*

*Но аромат исчезнет – и тогда
Дряхла строфа твоя и не тверда.
В скитаньях вкус притупится; грядя
Засохнет... Петь голосом глухим?..*

*На запад, север, к югу и к востоку,
Пока душа легка – возносишь строки,
Но много лет спустя не будет проку*

*В тебе, как в дохлой псине. И тогда же
И лежебока, и скиталец скажет,
Что "женский ум годится лишь для
пряжи".*

Рахел Морпурго

СИОН

*Не дождь и не роса -- слеза моя туманит
Твои, Сион, и горы и леса.
Не солнце, не огонь, а наша кровь
багрянит
Твои, Сион, святые небеса.*

*И пар от наших слез, сгустившись в
тучи,
С небес дождем прольется проливным,
И успокоят воды дух могучий
С тобой скорбящих, Иерусалим.*

*Слеза из глаз в минуту тяжелой муки
Прольется, исцеление верша.
Пусть в сердце плач, но укрепятся
руки,
Восславится бурлящая душа.*

Сара Шапира

Анда АМИР-ПИНКЕРФЕЛЬД

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ НАКРЫТ ТВОЙ СТОЛ

Да будет твой стол всегда накрыт,
Каждый день золотится вино в кубке
хрустальном твоём
В ожидании моего прихода.

Распахни объятия на север, на юг,
На восток и на запад—
Может, оттуда приду,
И твой привет встретит меня.

Да будет твой стол всегда накрыт
И чистая вода в сосуде,
Чтобы омыть пыль дальних дорог
моих,
По которым однажды приду я к тебе.

К КОМУ ЖЕ ЕЩЕ?

Когда ты причиняешь мне боль,
Расшатывая меня до основания,
и я измучена,
Когда ты своими стрелами разрушаешь
стены моего последнего убежища,
которое в тебе я строила, в тебе,—
к кому пойду жаловаться,
к кому же еще, к кому приду
плакать о потерях моих,

к кому, если не к тебе одному?
Кто исцелит боли мои,
если не ты —
прикосновениями,
полными милосердия?

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Не говори: "Я не тот,
Кто разбросал эти цветы
Вокруг жилья твоего",
Не говори.
Я-то знаю:
Ты ушел от меня такой печальный,
И каждый твой неуверенный шаг
Белый цветок за собой оставлял.
Круг за кругом поднимались цветы
Вокруг умолкшего дома.

Такой грустный ты ушел от меня,
И кругами своей печали мой дом
окрыжил,
Цветами последними, белыми.

* * *

Ты срывал розы для меня по всему
городу,
И в городе больше нету роз,
И комната моя — охапка роз,
И вся я,
И глаза,
И уста.
Прекрасна, прекрасна в мире любовь.

МЫ – ГРУСТНЫЕ ЛЮДИ

Мы — грустные люди,
усталые люди,
Уже ничего не болит,
И все вызывает боль:
небо,
море,
земля,
ночь,
Бог, скрытый сотнями туманных завес.
Мы очень грустные люди.

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Этой ночью твои глаза не любили меня,
Блестели чуждо,
Словно в них поселилась холодная луна.

Я ушла от тебя и стала большой рекой,
Которая к морю стремилась.
И теперь я море глубокое —
И я не вернусь.
Ведь этой ночью сошла луна,
Чтобы похитить твои горячие глаза.

Но я еще стану лилией на твоём столе
Днем —
Когда луна уснет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ МАМЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Когда-то я засыпала у тебя на руках,
мама,
теперь усни ты у меня на руках,
мама.
Какая ты маленькая,

словно мягкое тельце птицы,
белая голубка моя.
Дочь твоя — большая и сильная,
укачает тебя.
Спи, мама, спи.
Спокойствие мира —
из синевы моря,
в сказках наших золотистых,
в утренних ветерках лучистых.
Сошью тебе саван,
найду тихое место, серое,
постелю слезы любви,
чтобы спать было мягче,
в земле доброй,
спи, мама.

СУМЕРКИ В КАФЕ

Они сидят молча,
Едва касаясь бокалов,
Смотрят на дверь:
Может быть придет,
Придет и вызовет —
Кто?
Лица стали бледными в немой тишине,
В гнетущей тьме стерлись черты.

Велико ожидание в кафе
В час сумерек.

Но вдруг в люстрах вспыхнет свет,
Обилие света
Прогонит ожидание.
Зазвенят бокалы,
Задвигаются челюсти,
Встряхнутся сидящие,
И кафе придет в себя,
И станет таким же неприглядным, как прежде.

ПАРЕНЬ ВСЕМ ХОРОШ...

(Из народных песен)

Парень всем хорош на вид:
Принаряжен и побрит.
Погуляли у реки,
Попросил моей руки.
Закричала я в ответ:
— Нет, уж нет! Нет.

Парень был красив лицом,
Приходил ко мне с кольцом,
Все ходил, ходил за мной,
Стать молил его женой.
Рассердилась я в ответ:
— Нет, уж нет. Нет.

Но пришел старик — урод,
Он не просит — сам берет.
Бросил взгляд — и наповал,
Сердце в плен мое забрал.
И сказала я тогда:
— Я согласна. Да. Да. Да!

Тирца АТАР

ТАК ЭТО БЫЛО

Это было и есть.

Это — каждого времени знак.

Это было и будет, пребудет вовеки вот так:

Они жили, живут,

Это есть, это было и будет —

На библейской земле — легендарные люди.

Они знают Киннерет и знойную сухость пустынь,

Глушь окраин и неба бескрайнюю синь,

Есть они на дымящихся дальних границах —

Каждый прожитый час

Каждый раз вновь на песню ложится.

В прах крошатся труды, — песни в памяти вечно живут.

Дети спрятаны; парни упрямо ползут,

Заграждений колючки в тенях и в забвенье,

Но во взглядах огонь,

А в сердцах вдохновенье,

И еще что-то в них. Что? Какое горенье?

Были те, что ушли, не вернулись из битв,

Они смолкли, как песня, как звуки молитв,

Не пройдут — проплывут над тобою их тени

С легким ветром

И с первым дождем предосенним,

И со звуком шофара, и просто — когда плачет сильный.

Плачь же, сеятель, пой, на земле, увлажненной обильно.

ВОСКРЕШЕНИЕ НА МИНУТУ

Хотя ты не видишь
или невидим,
я вижу, что мы вдвоем.

Ты в старом коричневом кресле,
ты в кресле своем.

Ибо сейчас окончание дней на минуту,
и мертвые возвращаются на минуту,
и тихий Нил приносит тебя, шурша,
и ты поднимаешься из камыша.

Я смотрю. Я все время смотрю. Ты Моисей.
Я Мирьям. Я стою меж стеблей.
Ты лежишь в тростниковой корзинке. Несет тебя Нил,
берега наводняющий. Ты—
ты такой, как ты был.

Я вслушиваюсь в тебя.
Я глажу как будто все, что сказал ты: вечер
приходит для нежности. Он приходит,
и жалость видна.

И ничто не приходит затем, чтоб страшить.
Я знаю. Я слов полна.

Иохевед БАТ-МИРЬЯМ

* * *

Спасибо, что дала мне подойти
К тебе, судьба, и вспять пойти в тревоге.
Опять идти, идти, идти,
Все знать, все видеть, помнить по дороге.

Терпеньем, Господи, умерь мою тоску.
Любовью, жалостью пусть будет дух раскован,
И уподобь умершему листку,
который солнцем с ветром зацелован.

* * *

За мною ты гналась без передышки*,
Сверкала в снах моих, как молний вспышки,
Как туча бурная среди громов,
Как в дальнем эхе — будущего зов.
Ты в каждом слове, в каждом предложенье
Присутствуешь с нездешним выраженьем.
Ты — тетива натянутая лука,
Ты — скрытый смысл, намек, ты — отзвук звука.
Меня догнав, в больничной белизне,
Ты вместе с медсестрой вошла ко мне.
Слеза, тебе послушная, бежит,
Сверкает, умоляет и дрожит.

* Публикуем два разных перевода одного стихотворения, написанного поэтессой во время тяжелой болезни (здесь и далее примечания А. Белова).

* * *

Ломая бурей, тучей нависая,
Гналась, не оставляя ни на миг,
Врывалась в сон, как молния косая,
Как эхо, обгоняющее крик.
Ты открывалась на страницах книг,
Сгибала дни одной дугой тугою,
Ты заменяла мысль одну — другою,
Где смысл скрыт, а ясен черновик.
Меня настигла в белизне больницы, —
Палата, койка, медсестры глаза...
И на моей опущенной реснице
Дрожит твоя печальная слеза.

ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ*

1

Ты, закутавшись в синь, проживаешь,
Чтоб струною дремотной петь.
Огнерукий Господь завивает
Твою терпкую, знойную бредь.

Тени гор, городов, поселений
И пустынь в твоих крыльях цвели.
И души моей гамму волнений
Ты впитала в свой радужный лик.

Скрытаявленная! Необъятен
Твоей сути бескрайний размах.
До последней крупинки понятен
Мне земли твоей огненный прах.

*Фрагмент из большого стихотворного цикла, насчитывающего 11 глав и 73 строфы.

И, непрошенный, дальний, случайный,
Я застывшим вопросом стою.
О, святись же*, вошедшая тайной
Неотъемлемой в жизнь мою!..

2

Бредит влагой и тенью, вскипая,
Твой охрипший песок. Не спеша
Обнаженный пейзаж загребают
Вдаль плывущий верблюда шаг.

Ты проходишь такой же, чтоб стаей
Голосов на вершины взлететь
И, в потоках сияний растаяв,
До беспамятства плакать и петь.

О бездонная, чудом виденья
Ты кому-то приснилась навек.
Ты — вернувшийся лик отраженья
В неземной и пустой синеве.

Над тобой Божий дух мирозданья
Дрожь следов своих пролил, как кровь.
О страна моя, в муках сиянья
На порогах нездешних миров!..

ТАКАЯ, КАК ЕСТЬ

Как есть пред тобою, другим не подстать,
Совсем не прелестной, без красок наносных,
Плохой, бунтовщицей, дикаркой несносной —
Вот так пред тобою хочу я стоять.

*Начальные слова молитвы "Кадиш".

Измерено все уже — тело и мысль,
Измерено все уж, и найдено слово...
Душа моя ввысь подымается, ввысь,
Тиши избегая и плена людского.

Слова не поднимут меня над судьбой,
И в страхе внезапном я их потеряю.
Вот так говорю, говорю я с тобой,
И в каждом мгновении я умираю.

И суша, и море в сиянии дня
Встают предо мною видением сонным,
И нет ничего, лишь пути для меня,
Вверху и внизу — синь темна и бездонна.

Не станет меня, и в притихнувший свет
Когда доползут запоздалые вести...
И нету награды, прощения нет —
Греху, покаянью, раскаянью, мести.

Такая, как есть, я стою пред тобой —
Дика, непокорна всегда и повсюду.
Я плачу мятежно над горькой судьбой,
По той по себе, какую не буду.

* * *

Пахнет пылью, водой обжигающий зной,
Суша запахом тела пропитана.
Небо, небо в дыму — путь закрыв пеленой
Разомлев, не спешит расступиться.

Пересечь лишь решишь! И уже в пути,
На дороге привычной, знакомой
Ты чудесный и странный мир ощутишь —
Провозвестник цели искомой.

Ты станешь и храмом, и праздником в нем,
Тропою и странником нищим.
И родится из памяти смены времен
Отчаянья буря: постичь их!

И сойдешь ты во прах,
Молчалив, одинок,
Словно с гор ледяных родник.
На эти места изольется Бог:
Там, где тень твоя упала на них.

ПРОЩАНИЕ

Уйду, а заря, осветив побережье,
Придет, как дитя, средь ракушек резвясь.
Ясна, как слеза, весела, как надежда—
Немая с грядущим связь.

Роспись по солнцу, прохладе и теням
Поставит размашистым почерком,
Не зная, не помня мой облик бранный,
Скромное имя и прозвище. —

То, что пело в пути о счастье,
Горечь утрат и ошибок храня,
И затаившееся обещанье
Моего Великого дня.

Былое, его аромат или отзвук,
В кувшине храню голубом и звонком,
И в старом китайском рисунке, что грезит
О вечном своем мотыльке,
Стебле тонком.

В немногих книгах, которые шепчут
О реках, струящихся лунною ночью,
Даря мне простор просветленный, четкий,
Торжественно-теплое одиночество.

А миг расставанья настанет, раскрыв
Даль ушедшего в прошлое утра —
Все вспомнится мне и на мой призыв
Улыбнется смущенно и мудро.

Тогда я умолкну, освобождаясь
От боли и радости прежней.
И, словно дитя средь ракушек резвясь,
Новый день озарит побережье.

* * *

Сидят седые старушки
Под дремлющей синагогой,
На грани прибрежной, туманной,
Меж сном и явью убогой.

Сгорбившись, молча, печально сидят
В отблеске дня, что угас.
Прядется нить, и они все плывут
В закатный, последний час.

Молитвенник всем горизонтам открыт,
Склонившимся, чтобы увидеть
Мир света, что чудится сам себе,
Витая меж буквами книги.

Минуты молчанья и мира текут
К просторам иных берегов,
И в долгой, прозрачной их череде —
Сиянье во веки веков.

Лишь там начало сольется с концом
В тайне, для нас нерешимой.
С листов обветшалых возносятся ввысь
Райских деревьев вершины.

Их сень превыше бранных небес
Со всем, что дышит под ними.
Лишь солнце желтым огнем горит,
Как Всемогущего имя.

Сидят седые старушки
Под дремлющей синагогой,
На грани прибрежной, туманной
Меж сном и явью убогой.

ПРОЛИВАЕТСЯ ДАЛЬ...

Проливается даль в голубое,
Свет сверкает, как в поле серпы.
Кто зовет меня за собою?
Сердце — дикая птица судьбы.

Что за грусть без причины, без груза,
Тает, словно туман над рекой.
Уходя, я касаюсь мезузы,
Словно бедный проситель какой!

Я кого-то в пути повстречаю,
Повстречаюсь в пути со зверьем,
И тропинки звенят мне с печалью,
Мы с душою моею вдвоем.

Дай идти мне одной по дороге,
Дай молитву простую шептать,
Опаленная мыслью о Боге,
Буду Господа благословлять.

Что за грусть! Эти дали вечны,
Нет границ, есть пути Твои,
И в раскаянье пред бесконечным
Умоляю о небытии.

ВЫЙДИ В ДОЖДЬ

Выйди в дождь, под споло́хи в небе,
В вольный мир грозовых потоков!
Закипает в стволе и в стебле
Кровь бунтарская смол и соков.

Слушай! Твой одинокий зов,
Отраженный, вернулся к тебе.
Возвращенное эхо шагов,
Разрешенье ступить на рубеж.

Твое тело плывет, твои плечи
Одиночество оперяет.
"Жизнь! Да славится жизнь!" —
крылья плещут.
"Жизнь!" —
неслышимый глас повторяет.

* * *

Как легка тонконогая птица!
Как покров ее мягок и ярок,
Златотканной парчою струится!
Да, мне дорог этот подарок.

Пара крыльев — лесные тени,
Синей зеленью светит око —
Отблеск ей лишь видного неба
Там, за кружевом клетки, далеко.

И вошли в мой дом приглушенно
Шумы, запахи вод незримых,
Шорох, шепоты дивных растений —
И остры, и неуловимы.

И тоской переполнилось сердце,
Стародавней жалобой страстной,
Словно память нездешней родины
Поднялась волною неясной.

Стены комнаты взмыли высоко,
Растворилась кровля в ночи,
И горит, подъятое к звездам,
Лицо мое — пламя свечи.

Фаня БЕРГШТЕЙН

СБОР ВИНОГРАДА

Сбор винограда!
Ножницы в одной руке,
В другой — корзина.
Уверенно пойду
Между рядами.
Виноградные кусты
Как будто преклоняют
Колена предо мной
И дарят от обилья своего
Мне прямо в руки,
Сваливая грозди
В мою корзину —
Затихшие, насыщенные, —
Словно
Долг всей жизни выполнили,
Словно
Награду видели
Еще при жизни.

Как будто
Дохнуло утро еле-еле
На виноградные кусты,
И вдруг покрылись гроздьями
Туманом.
Как будто
Бледным лунным ореолом
Полили виноград —
Он побелел,
Засеребрился, —

Как будто солнца жаркий свет
Вдруг запалил мой виноградник
И гроздья
Улыбнулись мне...
Срезай, бросай
Рука
В корзину, ждавшую с тоской,
В нее, стоявшую пустой
Почти что год.
И это ножницам отрада —
Богатство лунное стяжать,
Обилье буйное срезать, —
Сбор винограда!

ВСЕ НАЧАЛОСЬ...

Все началось, как будто, с ноготка,
А кончилось в гумне — в руке рука.
Вначале был прикосновений след,
А кончилось — "Вот ты..."*, кольцо, обет...

Он думал просто голову вскружить,
Лукавым языком владел сполна,
Хотел он целовать, ласкать, любить,
А я потом — весь век вздыхай одна!

Но я ловчей, его я проучу:
Поймав разок, уже не отпущу!
Вначале был прикосновений след,
А кончилось — "Вот ты...", кольцо, обет...

*Первые слова брачной формулы: "Вот ты освящена для меня этим кольцом по закону Моисея и Израиля".

Я ЗНАЮ

Чирикнула птичка в окно при вступлении дня —
Намек: это ты посылаешь привет для меня.

Пушистое облачко в утренней голубизне —
Сигнал: это ты письмецо посылаешь ко мне.

Вот поезд, взывая, свистит из ночной темноты —
Твой голос звучит издалика: здорова ли ты?

Прислушайся — ветер ответ мой приносит во мгле:
Письмо посылаю на бабочки тонком крыле.

Мирьям БЕРНШТЕЙН-КОХЕН

МЫ, МАТЕРИ

Ты вся в поту, в крови,
И вопль звериный
Прорвал твой сжатый рот,
И каждый нерв дрожит, встречая волны страха;
Вонзились ногти в белизну простынь,
Зрачки расширены страданием, вопрошая:
— За что?.. За что?..

Настал твой судный день,
Последний суд настал! —
Зерно зачатия бытия в тебе созрело,
И налилось, и стало человеком,
Рожденным жизнью, чтобы славить жизнь.
И в пурпуре зари
Восходит чудо мира:
Ты — Мать!

Ты мать,
И в каждой капле молока
Ты передашь ему как гражданину мира
И теплоту души, и доблесть сердца и ума.
И он всосет в себя
Любовь и жалость к человеку-брату.
Из уст твоих услышит,
Что он лишь винтик маленький,
Не боле,
В машине жизни, мощной и святой.
Все это он из уст твоих услышит!

Но если ты, вопя,
На труп безмолвный сына

Бросишься в слезах,
Срывая с тела своего одежду
И обнажая груди,
Что дали жизнь ему и мысль, и силу,
И если безразличными глазами
Посмотрит смерть на то,
Что было для тебя отрадой жизни всей,
На то дитя, которое убито
Среди колосьев на твоих полях,
На виноградниках, тобой возвращенных,
И между тех садов,
Где ты, струями пота истекая,
Трудилась, и сажала, и растила, —
Так знай же, мать, и ты виновна в том.
Да, да, и ты!
Во всем подлунном мире,
Под равнодушным сводом голубых небес
Вооружен весь мир,
И брат на брата встал,
С корнями вырывая все живое
Из сердца исстрадавшейся земли,
А ты молчишь?

Твоя душа исхлестана бичами смерти,
А ты замкнулась в немоте?
Зачать сумела, выносить его,
Взрастить и выкормить,
Но защитить твою же плоть и кровь
Бессильна ты?!

О мать!
Твой голос громче орудийных голосов,
А руки тверже и сильнее стали,
Так взвей же белый флаг над головою мира!
Руками, что качают колыбель,
Всем телом, знающим любовь и материнство,
Дорогу паровозам прегради,
Вцепись ногтями в страшные колеса,
Везущие в кровавый ад сынов твоих,
И крикни:

— Люди, люди!
Довольно крови и вражды!
Зажгите солнце братства над собой!
Мы братья, все мы братья!
Не для убийства мы рожаем вас,
Но если вы своими же руками
Жизнь праведную будете казнить,
Мы перестанем эту жизнь творить!

О люди!
За мира мир идем сражаться мы —
Мы матери всех родин и детей!..

Иона ВОЛАХ

ЧУДОВИЩЕ-СЕРНА

И все птицы были в моем саду,
И все звери были в моем саду,
И все пели горечь моей любви.
И чудеснее всех пела серна,
И песня серны была мелодией моей любви.
И голос зверей молчал,
И птицы не кричали.
И серна взбежала на крышу моего дома
И пела мне песню моей любви.
Но в каждом звере есть чудовище
Так же, как в каждой птице есть что-то странное.
Так же, как в каждом человеке живет чудовище.
И чудовище-серна кружилась по саду,
Когда птицы повесили головы,
Когда серна пела,
А звери дремали,
Когда серна пела,
А меня словно не было, когда серна пела.
В тот нежный миг ударила меня по волосам,
И все птицы улетели,
И звери скрылись.
А серна упала с крыши и разбилась.
А я убежала.
И в саду моей любви чудовище запирает
Черную и злую, как забвение, гориллу.

О МОРЕ, НЕБО

О море, небо, окутайте меня туманами,
проникая в марево глаз моих,
Ваши белые чайки прильнут, приседая,
в трепетании крыл к высоким шестам,
чтобы стать парусами живыми на моем корабле.

Осторожные рыбы взлетят отовсюду
осколками стекла, что разбивают на счастье
на свадьбе.
Дождь хлынет косой, как будто намереваясь
омыть сладость лица моего в самом начале,
чтобы иные
раскрыли потоки уверенные и теплые.

Ай, душа, вихревой ветер. Закружусь кругами.
Остудите голову горячую мою,
Пусть медузы сплетут в прозрачный венок,
стены-ткани сомкнут пеленой на глаза,
чтобы вновь на волнах, словно знак и намек
возвращения.

Шаловливо, легко, пройду спокойная в меланхолии,
Украшенная переливчатыми жемчужинами любви.
Пусть водоросли мантией покроют мне плечи,
что не смогут близкие мои меня уловить.
Мой корабль предстанет — возникновение его —
только единый раз.

ПРЕДСНОМСТИХИ

(А пропо Годар*)

Намекают нам, что вот есть и другой секс.
Хорошо, что кто-то знает об этом, что это есть.
И если есть другой секс, то пускай при
ведут его сюда, мы узнаем его и тогда от
кровенно поговорим, что вот он или нету его.
Что мы ведь уже утомленынчеочень от
наших жен и подруг девственниц, и все
это время показывают в картинах, что вот
взаправду что-то есть другое, и мы
сквозь роздых чувствуем, что это не зря.
И если есть другой секс в мире другом,
женщины новые и знающие, то от
чего не приведут сюда нескольких, чтобы они на
учили наших жен усталых, и может быть кста
ти откроют границы, а то мы ведь
утомленынче и зажатычересчур мы здесь.

ДВА САДА

когда один сад — все его плоды желтые, спелые
и весь он округлый,
и еще один сад — все его травы и деревья тонкие,
тонкие,
и когда округлый сад чувствует тонкий сад,
чувствует округло,
и когда тонкий сад чувствует округлый сад,
чувствует тонко,
и округлой этой роще садовой нужна тонкая,
и тонкой этой роще садовой нужна округлая,
и в округлом саду от каждого плода
восходят и опускаются трубы трубчатые,
и в тонком знаки направления,

*Известный французский кинорежиссер.

и по трубам проходят раздаваясь голоса
спелых плодов,
и в другом в тонком саду голоса нету,
и округлому саду нужна тишина,
и тонкий сад влекут голоса,
и когда чувствует округлый сад тонкий сад,
докатывает голос до края плодов и не восходит
по трубам,
и живет округлый сад формами жизни своей,
и когда чувствует тонкий сад округлый сад
ударяют символы-знаки верные его
по верным плодам и играют,
так играет тонкий сад в тишине, в тишине.

Леа ГОЛЬДБЕРГ

ГОРОД*

(Из цикла "Тель-Авив, 1935")

Он дышал еще запахом нового дома,
Нежилой пустотою открытых окон,
Волшебством новизны, непонятно знакомой,
Точно дважды приснившийся сон.

Опоясанный морем и зноем, хранил он
Тайны раковин, залежи древней тоски,
И томимые жаждой сбегали пески
На заброшенный берег, расписанный илом.

КОЛЬЦА ДЫМА

1

Тени дыма по стенам легко летят
Вверх — за кольцом кольцо.
Смотрят часы — и не могут понять,
Так спокойно мое лицо.

Стрелки часов — кверху, как брови:
"Что происходит с вами?
Или собираетесь горечь дней
Грызть тупыми зубами?.."

*Это стихотворение написано поэтессой по-русски.

Покой по ошибке забрел в этот день.
Свернулся и спит, как кот.
Со стен мне его улыбается тень,
Как дымных колец полет.

2

Подкрался вечер. Печально это слово.
Опять заныло сердце у меня.
В вечерний час дверь запираю снова,
и я одна до завтрашнего дня.

Сквозь ставни тени в комнату влетают,
Садятся, окружая лампы свет.
И так загадочно и трепетно мигают,
глядя на мой дрожащий в зеркале портрет.

Глумятся окна надо мной, насмешку пряча,
Лишь лампа сверху сокрушается: "О, Боже!
Сейчас они заголосят, заплачут —
Та в зеркале и та, что на нее похожа"...

ЛИСЬИ ПЕСЕНКИ

1

Два образа мне удалось сберечь
Из сказок детства: осень и лисицу в чаще.
Я слышу, как загадочна их речь,
Сложна, мудра, как смех сквозь плач дрожащий.

Они как призраки... Кричит мне желтый лист:
"Лови, лови, я твой", — и с ветром улетает.
"Я твой, я твой — лови!" — зовет злаченый лис,
И смотрит умными глазами, не моргая.

И сердцу хочется бежать по их пятам
Тропой извилистой... Но вдруг мне ясно стало:
В них — вечности рубеж. Жизнь смерть встречает там
Стой, сердце, не гонись, пока ты не устало.

Меж листьев золотых я в мой осенний час
Пройду, и средь деревьев в золотом уборе
Засветятся мне свечи лисьих глаз,
Мелькнет насмешка смерти в лисьем взоре.

2

Виноград крадут лисы малые.
Между лоз — следы лисят.
Грозди лоз гнут лисы малые.
Ведь уже созрел виноград.

Лисы малые, как вас догнать?
Как мне за вами поспеть?
Разве можно сказку в саду поймать
И на ключ запереть?

Разве в клетке удержишь улыбки свет,
Ускользающую любовь?
Завтра утром в песке будет новый след:
Виноградник ограблен вновь...

ДЕРЕВЬЯ*

5

На том конце деревни пес пролаял,
Здесь канула звезда меж темных тополей,
И босоногий шаг по озими полей
Прошелестел невнятно и растаял.

Река раскинулась беспечней и вольней —
В тиши она от гнета бурь очнулась.
Сквозь негу дремы дерево коснулось
Дрожащей ряби отсветом ветвей.

*Цикл из пяти сонетов. Публикуем перевод последнего из них.

Вот вспыхнула заря и в первом свете
Шагают наши маленькие дети,
Бесстрашно устремив на солнце глазки.

И светлый луч струится в их крови,
Как теплый ток от корня до листвы,
А ветер льнет к кудрям их с тихой лаской.

О ЦВЕТЕНИИ*

(Терцины)

Посвящается Аврааму Бен-Ицхаку

1

Цветенье клещевины, свершившееся за ночь.
Горячий след румян по листьям полоснул.
Аллея жметя к изгороди пьяной.

Сомлевшее на пастбище, ко сну
Плетется стадо. Высь взволнованная катит
Барашка облачного белизну.

Как преломленный луч в бурливом водопаде,
Все это промелькнет и в запахах полей
Все возродится вновь. Трава в крови заката

Нежна и будто бы растет из тишины моей.

2

Старуха. Смуглолицая доярка.
Над синью глаз — труда и лет седины.
Ведро. Из хлева, пенистый и жаркий,

Клубится пар. И вымени пучины
Покорены заботой этих рук —
Так морякам канат покорен длинный.

*Публикуется с купюрами.

Безоблачные дали по утру.
Стан женщины над белым изобильем.
И, замыкая будней светлый круг,

Волшебница, колдуя, правит былью.

3

Что смерть в окно заглянет, знали мы.
Был взгляд ее, вопящий и бездонный,
Прозрачно-холоден, как пелена зимы.

Сквозь эту пелену, мерцая, плыл
Огромный желтый мир нагроможденный:
Столицы, реки, толпы весен, пыл

Оживших красок на дорогах талых.
И он шагал, груженный через край.
Так в час заката вол усталый

К гумну волочит урожай.

5

Как мчались поезда! Воспоминанья
О родине над рельсами горят.
Бурлящая вода, мечей бряцанье.

Впивался в ночи мучеников взгляд,
Куда-то увозимых. Жизнь молчала.
Тень от ветвей, осколки света, ад —

Во тьме окна. Молитва зазвучала,
И чей-то шепот вдруг рассказом стал
О сыне и о доме у причала.

Как безвозвратно мчались поезда!

В саду цветенье молодое стонет,
 Ему бы только жить и жить скорей!
 В глазах у нас его раскраска тонет.

Огонь и страх в дыхании зверей.
 Легка луна, застывшая в прохладе,
 И все так чутко-двойственно при ней.

А ночь живет в крови, и в аромате,
 И в смерти этой, в страстности хмельной.
 Все звезды зацвести бы рады

В тиши руки родной.

Как сердце умирающее наше
 Дню новому преподнесем с зарей?
 Вино в бокале бродит, как и раньше,

И небо опоясано дугой.
 Рассвет — на нивах пляшет и в горах он,
 И солнце жметя к озеру щекой.

Лишь мы, парализованные страхом,
 Лишенные мечты, познав урон,
 Цветущую расстелем землю прахом,

Как траурный венец в день похорон.

Звезда, покинутая в дебрях мрака.
 Рев моря. Бьет в отчаянье волна.
 Пустыня. Ветров черных передрыга.

И глыбы тьмы столпились у окна.
 Ночное небо воем вод отпето.
 И лишь звезда далекая одна —

Бутон зеленый, нежный, искра цвета —
Ведет, как вестник сбыточности сна:
Быть может, между полюсами света

Взошла, взошла вселенной всей весна.

Я ШЛА ТОГДА

Я шла тогда,
Как будто кто-то был в меня влюблен.
Руины хохотали на полях
И ветер — там, в могучих небесах.

Я шла тогда,
Как будто снилась я кому-то.
В ночи рождались, расцветая, бездны,
И море-зеркало меня нарисовало,
И будто некто обо мне стихи слагал.

Я шла, и в мир иной войти пришлось,
И там, казалось, что-то началось.

* * *

3

Красивый, древний гимн, который как-то*
Осенним вечером пропел ты мне,
Когда трудился дождь в моем окне,
И в песнь твою врвался гром бестактно, —

Глубокий звук его — органнй звук;
Мотив был легок для запоминанья,
Чужой язык, нездешнее сиянье,
И воспаленный, в алых маках, луг.

*Из цикла "Песни любви из древней книги".

Стучало его сердце — за дождем,
За каплями, измученным окном,
За много миль от темного заката,

В сиянье, где пропал его ответ,
И в тяжести упитанного сада...
Была ли я в той песне — или нет?

В ЭТОТ ДЕНЬ

Хлеб режут в этот день,
В корзину сыплются плоды,
Под отчий кров приходят сыновья,
И ожидают дочери в дверях.
Идут по небу облака,
Чтоб сад, чтобы поля благословить.
И в городе, у входов на базары,
Благоуханье сливок, запах масла.
Искрится рыба чешуя,
И льется в этот день вино.

Да как ты в этот день умрешь, душа!

Прекрасен, полон день,
Он собран, прост,
Он свет,
Он день —
Такой же день, как все!

Да как же отправляться на покой,
Когда еще не стихнул голос дня,
Да как же ты, душа, простишься с днем,
Когда еще не смолк дневной народ,
Да как же, как ты с трауром пойдешь,
Когда еще не стихнуло веселье,

И как ты встретишь вечной ночи тьму,
Привета не послав звезде вечерней, первой?

* * *

Неужто мы дни всепрощения узреем глазами своими?
Полями пройдешь ты, где путник наивный прошел.
И будут клевера листья ласкаться с ногами босыми,
и жнивья будет сладок укол.

Или дождь на тебя налетит; капли роем
По лицу, волосам, по плечам, по груди застучат,
И от свежести этой засветится сердце покоем,
Как край тучи, на солнце лучась.

Все спокойнее будешь вдыхать в себя запахи пашни,
И из зеркала луж будет золотом солнце светить.
И все просто, все ясно, доступно и вовсе не страшно,
И можно, и можно любить.

Ты пройдешь по полям, осененная помыслом горным,
По дорогам, что корчились в муках, в крови
целый век.

Вновь чиста будешь сердцем, скромна и покорна
Как трава, как простой человек.

СОСНЫ

Здесь не услышу голоса кукушки,
И дерево не спрячется в снегу,
Но среди этих сосен, на опушке,
Я снова с детством встретиться могу.

Звонят иголки сосен: жили-были...
А я сугробы родиной зову,
И этих льдов густую синеву,
И песен тех слова, слова чужие.

Быть может, только перелетным птицам,
Которых держит в небе взмах крыла,
Известно, как с разлукою смириться.

О сосны! Родилась я вместе с вами,
Два раза вместе с вами я росла —
И в тот, и в этот край вросла корнями.

ЭЛУЛ* В ГАЛИЛЕЕ

I

На сто молчаний слез мне не достало.
Вершины гор. Безмолвие вокруг...
Среди колючек мы брели устало
Под ветром, устремившимся на юг.

Лишь на распутье — старая маслина,
С корней до серебрящейся вершины
Печально-одинокая, как ты.
Трепещут на ветру ее седины...
Среди шипов спускался путь наш длинный —
До полной темноты.

II

Средь желтых гор осенней Галилеи,
Сухой элул еще не перейдя,
Когда из трещин выползают змеи
И, извиваясь немо, ждут дождя,

Как жажду доброты твоей в печали,
Как дорожу сочувствием твоим!
Смотри: деревья от плодов устали,
И мы, усталые, подобны им.

*Элул — осенний месяц еврейского календаря, соответствует, примерно, сентябрю.

ПОСЛЕДНЕЕ СИЯНИЕ

Последнее сияние заката —
Как золото безмерной чистоты.
Стеклом, уже оплавленным, объаты
Вершины гор и дальние хребты.

Стоят неслышно голые деревья
Под светом чередующихся лун,
Как инструмент, загадочный и древний,
С безмолвным строем онемевших струн.

Остудит утро камня гладь литая,
И птица, огибая дальний лес,
Махнет крылом, в изгнание улета,
И крикнет с остывающих небес.

ЛЮБОВЬ ТЕРЕЗЫ ДЮ МЁН

(Сонеты)

Тереза дю Мён принадлежала к французской аристократии. Она жила в конце XVI века в окрестностях Авиньона, в Провансе. Когда ей было сорок лет, она влюбилась в молодого итальянца, воспитателя ее детей, и посвятила ему более сорока сонетов. Но после того, как этот молодой итальянец оставил ее дом, она сожгла свои стихи и удалилась в монастырь. Память о них сохранилась лишь в виде легенды в устах современников.

1

Болезнь моя проклятая! У света
Любовью называется она.
Как я презрением к себе полна!
О, если бы ты знал, как тяжело это!

Волос моих коснулась седина —
С годами делаться мудрей должна.
Но вот мой взгляд остался без ответа, —
И я унижена, осрамлена.

Зачем в свой ясный, предосенний день
Должна страдать я, от любви робея,
Должна робеть я, горестно любя?

А ночью, как бы пряча душу в тень,
Не ведая стыда, тянусь к тебе я
И лишь тебя зову, хочу тебя!

2

Я не хочу, я не могу — поверь —
Чтобы ты снился мне из ночи в ночь.
Мне думать больше о тебе невмочь
И трепетать при каждом стуке в дверь.

От взгляда юных девушек, как зверь
Затравленный, бежала бы я прочь.
Победный блеск не в силах превозмочь,
Он как бы говорит мне: "Пыл умерь!"

Покой душевный был мне прежде мил.
Я зрелостью своей не тяготилась,
И страх меня ночами не томил.

Тогда мне даже и во сне не снилось,
Что встречи тайно ждать, лишаясь сил,
Так сладостно, и в этом Божья милость.

3

Ты лучше бы прогнал меня в пустыню,
Обрек бы на скитание, как встарь
Отправил Авраам свою Агарь —
Покорную наложницу, рабыню.

Счастливее меня любая тварь.
Пуškai бы надо мною ты глумился,
Мой гордый дух не так бы возмутился.
Ты был бы для меня и Бог и царь.

Но для тебя я — дама в высшем свете,
Не дотянуться до моей руки.
Здесь каждое движение на примете.

И я сжимаю втайне кулаки.
Я в крепости. Тут стены высоки.
Я страсть мою должна держать в секрете.

4

Гордыня! Сердце бедное в затворе!
Должна ли женщина гордиться тем,
Что красоте не внемлет? Это горе,
Когда ты слеп, когда ты глух и нем.

Есть дар любви. Дается он не всем.
Как можно говорить тут о позоре!
Тот, кто жемчужину отыщет в море,
Преступник? — В том не соглашусь ни с кем!

И разве грех, что избрала тебя я,
Твоей пленилась скрытой красотой?
В себя вобрать сумел ты столько света!

Так драгоценный камень, собирая
Лучи, нам дарит солнечный настой.
Мы пьем глазами, в нас душа согрета.

5

Быть может, ты не так красив, быть может,
Педанта равнодушный, трезвый взгляд
Придирчивее бы судил и строже,
И отыскал бы недостатков ряд.

Того, кто лишь плохое видеть рад,
Твоя ребячливость к себе не расположит.
Но для меня ты — недоступный клад.

Сравнила бы тебя с упругою сосной,
Покрытою предутренней росой. —
Ласкает ветер голубую хвою, —

Иль с нежной сердцевинной голубой
У пламени. Но образ мой любой
Несовершенен, несравним с тобою.

6

Любовь меня не сделала слепой.
Я вижу все отчетливо и ясно.
Рассудок сердцем управляет властно,
И дни идут унылой чередой.

Обманчивые грезы, как запой.
И пробуждение от них ужасно.
К утру я брошена волною страстной
На берег безнадежности тупой.

И снова трезвый холодок в крови,
И мысли, мысли — без конца и края...
Моя любовь — зерно без прорастания.

Праматерь Ева! Ты лишилась рая,
Ты променяла пиршество любви
На сладкий плод горчайшего познания.

7

Итак, мой друг, сгорают налету
Мгновения, минуты и часы...
Проходят дни, и я на их весах
Кладу бессилие и немоту.

Когда же время подведет черту,
Лишь лунный цвет, коснувшийся косы,
Напомнит про погибшую мечту,
Про всю мою земную суету.

Нет, не хватило духу у меня,
Чтобы в Тивоне солнцу приказать:
— Замри и время приостанови!

И вот уж ночь идет на смену дня...
Но светлый час могу я задержать.
Он мой навеки! Он в моей крови!

8

За окнами дождя косые струны.
Огонь в камине разожги, мой друг.
Жар закурчавится золоторунный,
И отблески запрыгают вокруг.

На фоне осени твой образ юный
Свеж по-особенному и упруг.
Пылает сердце — жертва злой фортуны.
Холодный ум в объятьях зимних вьюг.

Тебя обманываю от души:
За материнство выдавать должна я
Свою огнем пылающую страсть.

Но ты будь ясен, этого не зная.
Здесь, возле тлеющих углей мне разреши
Часы любви себе на память красть.

9

Из твоего и моего окна
Виднеется один и тот же сад.
Я ко всему, что твой ласкает взгляд,
Душою всею приворожена.

И песня соловьиная слышна
Одна и та же нам всю ночь подряд.
Внимая ей, мы дышим как бы в лад,
И нас роднит взволнованность одна.

А каждым утром старая сосна —
На ней твой взор росую голубую —
Меня встречает трепетным приветом.

На все смотрели вместе мы с тобою,
Но ты понятия не имел об этом.
Об этом думала лишь я одна.

10

О, как прекрасен город был в тот день!
Горами окружен, простерся он.
Вдруг древности его исчезла тень,
Он светом глаз твоих был озарен.

А строгий камень башен и колонн
Твоей улыбкой юной был смягчен.
А переулки — со ступени на ступень
Их бег к твоим стопам был устремлен.

Вселенную обняв счастливым взглядом,
Два дерева — стояли мы здесь рядом,
Ликуя от корней и до вершины.

Мы очарованно смотрели вдаль —
Чуть тронутая сединой маслина
И пышно расцветающий миндаль.

11

Внутри меня поет, как в клетке, птица.
Звук песен слаще аромата роз.
Но ты не дал моей душе раскрыться,
И птице вольной стать не довелось.

В сетях ночей, что сотканы из грез,
Там в раковине тайна шевелится.
Но между мною и тобой граница.
Язык мой сковывает твой мороз.

Когда же смерть придет средь моря ночи
Холодным светом вечного покоя,
Она глаза мне бережно закроет.

К моей груди, в которой песнь клокочет,
Приложит ухо. Ей отдам я в руки
Сокровища моей любви и муки.

12

Позор! За счастья жалкого крупцу
Горела я в огне из тысячи костров.
Останется один лишь пепел слов.
Останутся лишь буквы на страницах.

Поверят ли, что был прилив суров,
Когда волна о берег кончит биться?
О, если бы мне знать, что сохранится
Хоть бледный след от рухнувших миров!

Жемчужины моей любви жестокой
Меня переживут. И, может статься,
Когда-нибудь их кто-нибудь заметит.

Рассмотрит их скучающее око.
И время будет ими забавляться,
Как забавляются игрушкой дети.

СОНЕТЫ ЛЮБВИ

1

Те, чья улыбка и в грозу цветет,
как звездный свет на гребне белопенном,
Все те, кому их радость не дает
в печальный час отчаяться, — блаженны.

Блаженны все, несущие вселенной
в годину горя свет любви своей.
Любовь блаженна. Даже горечь в ней,
терзания ее — благословенны.

Вдвойне блажен тот миг, когда тайком
в своей ладони твои пальцы грела
(а смерть моя таилась за углом).

...Я — пламя, что в зрачках твоих горело,
Взяла, как свечку, в вечный мертвый дом.

2

Расстались мы. Мне очень горько было.
Туман стоял меж нами, как стена.
А капля, что мне руку увлажнила, —
из туч осенних пролилась она.

Беда ли наша в том, или вина, —
стыдится плакать наше поколение.
И в ночь любви, и в день поминовенья
гордынею душа поражена.

Расстались мы. По-южному шумна,
меня толпа на улицах толкала.
Бреду, внезапной радостью полна.

Туман расстаял, как и не бывало.
...А капля та — слезой была она.

ЗАВТРА

1

Выйдем завтра на берег реки,
С крутизны зеленой в воду гляну.
Солнце золотые перстеньки
Растеряло там, на дне песчаном.

Покачнется лодка на волне.
Кинем невод мы в заветном месте,
Перстенек найдем на желтом дне,
И, надев его на палец мне,
Скажешь: я надел его — невесте.

А в завтрашнем небе распустятся юные ветки,
И вечер над нами взойдет наяву, как во сне.
Ты мне принесешь соловья, загрустившего в клетке,
Повесишь на спелыми звездами полном окне.

Мы, посвист послушав, певца на свободу отпустим;
Вспорхнет беспечально. Печаль не вернется ко мне...
Останется песенка, полная счастья и грусти,
И вечер, взошедший для нас наяву, как во сне.

Может, я красивой завтра стану.
Светлый лоб мой, волосы, щека,
Может, отразятся многогранно
В черном блеске твоего зрачка.

Может, завтра стану снова юной,
И твоя ушедшая любовь
В свете дня или в сиянье лунном,
Как с чужбины, возвратится вновь.

Как легко из завтра в то, что было, —
В прошлое из будущего плыть!
Завтра (как душа тебя любила!), —
Завтра все вернется. Может быть...

ИЗ ПЕСЕН СТРАНЫ МОЕЙ ЛЮБВИ

В стране моей любви миндаль цветет,
Страна моей любви пришельца ждет.
Семь дочерей,
Семь матерей,
Семь невест у ворот.

В стране моей любви — башня с флагом.
В страну моей любви придет бродяга —
В этот добрый час,
В этот славный час,
Когда забывают горе.

Кто орлиным взором его разглядит?
Кто мудрым сердцем его отличит?
Не обознается,
Не растеряется, —
Кто ему дверь откроет?

Я лежу и сплю, но чуток мой сон —
Гость проходит мимо моих окон...
Наступает утро,
И на дворе
Вслед ему шелохнулся камень.

3

Страна любви моей убога.
Там месяц в небе, месяц мой
Стоит, как нищий у порога —
Пугливый, бледный и немой.

Спешат изношенные тучи,
Чтобы стыдливо, на лету,
Лохмотьев пестротой летучей
Прикрыть нагую нищету.

Рассвет. Желтое листопада
Проглянет солнце на вершок,
А в переулке за оградой
Златится мертвый петушок.

* * *

Небеса умирают, деревья
подготовились к смерти.
Кто знает? — быть может лишь камню
суждено пережить нас
и выступить нам в оправданье,
если его не убьют,
настилая шоссе к новостройке.

Кто поверит? — у нас было имя,
в небесах начертанное,
в складках древесной коры
и в сердцах у камней, —
мы были,
дышали
и прескверно ругались мы
в городе этом.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

1

Мне очень холодно. Пейзаж у ног моих
Как плащ разорванный. Рукой усталой
Пишу стиха
Последнюю строку.
Еще в столетии восьмом,
На берегу, над желтою рекою,
Сидел поэт и знал
Вот это заключающее слово.

2

Что с нами станется в конце? А небеса
Стоят недвижно.
И если бы не тиканье часов,
Не знали б мы,

Что так мы далеки уже
От утра.
Какие семена несет весенний ветер?
Какой цветок
Над нашею могилой расцветет?
Я помолюсь,
Чтоб вырос желтый лютик,
Что я когда-то
Сорвала в горах.
Что с нами станется в конце?

3

Что с нами станется в конце?
Два юноши на улице
Поют.
В двух окнах уличных
Уже зажегся свет.
Два корабля в порту
Выходят ночью в море.
А в двух руках твоих мои ладони
Так холодны.
Что с нами станется в конце?

4

Что с нами станется в конце? Ночные знаки
Прекрасны, но сокрыт их смысл. А ветер
По небу катит обруч серебристый.
О месяц древний! Равны заблужденья
Юнцов влюбленных и жрецов Египта.
Уже объявлен приговор молчанья.
А мы —
Что с нами станется в конце?

5

Боль
Ясна, как свет дневной.
Поднимемся, свободны от сомнений,
Цельны, как вера.

С ЭТОЙ НОЧЬЮ

С этой ночью, ночью этой,
Тишью, сумраком и светом —
В эвкалипте у воды
Три запутались звезды.

В этом ветре, ветре этом,
Что подслушал звездным летом
Тишины ночной лады...
Ветер. Полночь. Три звезды.

ВСМАТРИВАНИЕ В ПЧЕЛУ

1

В квадрате светлого окна,
Там, за стеклом, не взаперти,
Как темный силуэт она,
И крыльев не видать почти.

В глазах — незаданный вопрос,
А тело узко, тело зло.
Шесть тонких ножек, шесть угроз
Перевернулись на стекло.

Как мне воспеть ее глаза,
Коснуться рифмою крыла?
Пришел малыш и вдруг сказал:
— А королева-то — гола!

2

На солнце — золотистый лист в паденье,
И капля меда темного — в цветенье,
В роенье звезд — росинка и звезда
Здесь, на стекле, ты стала темной тенью.

В звенящем рое — звонким словом пеня,
Крупницей воли — в знойной летней лени,
И сумерек и света череда,
Здесь, на стекле, ты стала темной тенью.

ВЫХОДНОЙ

Я сегодня беру выходной у тоски,
У усталости, взрослости, у фолиантов,
Что готовы словами ученых педантов
Поучать, что иные слова — пустяки.

Хорошо мне ответа не ждать на вопрос,
Как цветущее дерево это зовется?
Как молчание птиц в тишине отзовется?
И откуда звезду эту ветер унес?

Может, я потерялась в словах, что близки,
И прекрасного больше в прекрасном не вижу?
Или, может, мне самое дальнее — ближе?
Я сегодня беру выходной у тоски.

С МОСТА

1

Нет родины в тумане у меня,
И даже голубь, над мостом летящий,
Мне не укажет дальнего пути.

Тиха я на чужбине,
Меж семафоров тусклых
Меня никто не ждет,
И только время
Нас поджидает
В сумрачном тумане.

2

Не то, что знаю,
И не то, что помню,
Не то, что я хочу —

А только час напрасный на мосту,
Под флагом, в дождь,
У флага у чужого на мосту
И над чужой рекой.
Флаг, голубь под дождем.
Сереет под мостом
Неспешная вода,
И флаг чужой красив.

3

Когда вдруг поняла,
Что никого со мной,
Что ни одна из этих чуждых улиц
Не приведет к порогу моему,
Когда вдруг поняла,
Что нет совсем со мною никого,
Страх одинокой тишины
Сдавил мне сердце.

Ведь если плакать захотелось мне,
Я плакать в одиночестве могу.
Но как же мне смеяться одиноко?
И нету никого, и эха нет.

О СЕБЕ

1

Мой век в моих стихах запечатлен,
Как возраст дерева — в его годичных кольцах
Как возраст мой — морщинами на лбу.

Слова мои отнюдь не тяжелы —
Они как будто клапаны для грез.
А эти снимки
Прозрачны, как оконца у церквей,
Сквозь них
Ты можешь видеть,
Как в небесах сменилось освещение,
И падают,
Как птицы, умирая на лету,
Мои бывшие чувства.

2

Просто —
Снег был в одной стране,
А колючки — в другой стране,
И звезда — за окном самолета
В ночи
Над этими странами.

А они подошли ко мне
И мне приказали: пой.
И сказали мне: мы — слова.
Покорилась я, пела их.

И еще: был длиннющий мост
И фонарь на другом конце.
И никто не пришел ко мне;
И сказала я: не пришел.

ЗЕЛДА

КОГДА ЖИЛ ЦАРЬ

Когда жил царь,
Была честь дочери царской
Внутри,
В доме.
Дом теперь — осколки, осколки.
Когда жил царь,
Была скромность,
Был праздник.
Когда жил царь,
Суббота была розами,
Теперь она рана.
Когда жил царь,
Были думы, что в сердце,
Птицами,
Летавшими вечером,
Они ждали покоя вечернего.
Оголены теперь корни мои,
И люди на них наступают.

НЕ ОТРИНЬ МЕНЯ ОТ ЛИЦА ТВОЕГО

Склонилась она над моею душой,
Плача коснулась, что в горле моем,
Предвечный —
Прикосновение меня превращает
В клочья, в клочья.

Трудно сердцу потерянному
С темнотою
И словами —

Не отринь меня от лица Твоего.

И когда я очнусь ото сна,
И вокруг будет тьма,
И старая мебель издаст
Звуки тонкие взрыва —

Не скрывай от меня Твоего лица.

Когда я проснусь, чтобы думать,
Разве сладки так рассказы,
Что повествуют чувства
Моей душе
(Разве крепость моя рассказы?) —
Ведь в дымный час траура
Касалась меня с жестокостью вычурной
Даже мягкая прелесть цветка.

Когда я в слезах проснусь,
О, если бы знать,
Куда мою жизнь ведут
Небеса.

ПЕСОК ПРИМОРСКИЙ, СТРАШНЫЙ ПЕСОК

Если набок заляжет душа
зарытая в свое горе,
отпрянув от всякого неистовства
в людях, в машинах, в змеях,
и не пойдет она вплавь сквозь таинства ночи,
и не возлетит сквозь листву с порывами ветра,
оторванная от праздников и обрядов,
потеряв тропу к живому голосу.

Если набок заляжет душа,
и не услышит она голос горячий,
произносящий имя ее,
и позабудет благостыни солнца,
гор крутизну,
и тот спрятанный родник,
имя которому: тихая беседа
(родник, светивший нам с тобой во тьме).

Если набок заляжет душа,
завернутая в свои паутины,
отброшенная от всех деяний,
избегающая всего повседневного,
вот тогда прибудет от берега морского
тонкомелкий песок
и засыпет субботные дни ее,
и перекроет раздумья до самого корня.
В проникновенья рыданий,
пред ликом Бога таинственным и непостижным,
вторгнется будничномелкий страшный песок,
если набок заляжет душа моя зарытая в свое горе.

ГОРЕСТИ ТЕЛА

В дни цветения,
В пору юности
Были члены мои верноподданными
Души.
И если б телу жаждущему велела:
Умри, — во славу Имени Его
С радостью бросились бы они
в горнило.
В ту пору
Чувства стремились идти до конца
по законам небес.
Теперь мое тело устало
И боится мучений,

Боли пугают его.
И когда играет душа
Сладко,
Чувства стоят вдали.
И когда же играет душа
Тонко,
Ревут как медведи чувства мои.
Ей не понять
Тоски увяданья.
Ей не узнать
О горестях тела
У его конца
От зрачка слезящегося до кончика пальца.

СЛАБОЕ ЭХО

Эта ветка в моем кувшине
С цветами ее душистыми, желтыми
Слышала слабое эхо
Летнего шума
Моей души.
Эхо
Лета, пропавшего
В горький день.

ГОСТИ ДУШИ В ПОРУ ОДИНОЧЕСТВА

Цветы и насекомые к душе моей пришли
С ароматами и золотом, с линией тончайшей,
Испытать ее загадками.
Душе звездный свет принес
Движенья небес,
Ее испытать бесконечностью.

А в сумерках, когда поднимается боль,
Пришли вдруг слова одинокие
Со скрипкою, арфой и бубном
Играть
В печальной душе,
Петь в ней
О красе мира.

ЖЕНЩИНА, ДОЖИВШАЯ ДО ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ

В женщине, дожившей до глубокой старости,
Нет и следа от бешенства огня,
От летнего сока.
Тонкое тело превратилось в воздух
И белеет во тьме, словно древняя притча,
Вызывая отвращение у людей коренастых
и в зеленых листьях шелковицы.

СЕМЬЯ КАРТЕЖНИКА

По утрам из подвала выходит
Птичка кудрявая, малая,
По двору ее голос летает
Прозрачный на диво.
Старший брат, пятилетний
Отвечает зовам рая
Звуком замкнутым, тонким как нить.
Мать на мадонну похожа
При свете лунном
И на блудницу при свете фонарей.
У отца лицо утопленника,
Лицо мертвеца.

ВСЮ НОЧЬ Я ПЛАКАЛА

Всю ночь я плакала,
Творец вселенной,
Может, есть смерть, в которой
Нет насилия,
Смерть, на цветок похожая.
Всю ночь я молила:
Если даже прах я,
Да будет во мне покой,
Чтоб на небо смотреть
Еще и еще и еще,
Расставаясь с его красотой.

Всю ночь я думала:
Многие твари живут
В груди моей, полной боли,
И рассказы разные.
Нужно зажечь свечу
И на них посмотреть,
Пока не уснула сном смерти.

КОГДА НЕБЕСА — БУШУЮЩЕЕ ПЛАМЯ

Когда небеса — бушующее пламя,
Не двигайтесь с мест, дома.
Дети находятся в вас,
Полные страхов внезапных и плачей.
И ночи мирные тоже.
Когда тишь прекрасная звезд
Охраняет их рост.

Старики обитают в вас,
Душу готовят свою
К расставанию с жизнью.
В вас дыхание больных,
И женщины на сноснях
Вышивают цветы

И ждут.
И дети слепые,
Младенцы, что только родились
В вас.

Когда скалы рушатся
С грохотом,
И птицы испуганные
Улетают вдаль,
Не двигайтесь с мест, дома.

* * *

Все это вдруг поковеркано,
потому что грусть
приобрела
привкус стыда
и душевной подавленности
перед людьми.
Нет.
Я не знаю,
будут ли ко мне добры
кипарисы на этом новом дворе;
кипарисы,
что напротив балкона,
будут ли моими друзьями,
как было
то грушевое дерево червивое,
или та гостеприимная ветвистая рощина,
раздававшая свои плоды
главным образом для голубей,
но также и случайным птицам.

ПИР

Все миры собрались на пир,
Все миры.
Один за другим
Они факел зажгут
Во дворце тела, что празднует,
В замке, открывшем ворота
Солнцу
И боли,
И бурному бытию,
В царстве,
Заклучившем союз
Под голос скрипок тоски
С океаном
И с чудом —
В храме нежности вечной,
Что высечен
Во тьме растаявшего мгновения.

КАЖДАЯ ЛИЛИЯ

Каждая лилия — остров
Мира обещанного,
Мира вечного.

В каждой лилии живет
Птица сапфировая,
Имя которой *"ве-хитетú"**

И кажется,
Так близок
Ее аромат,
Так близок

*Первые слова известного изречения пророка Исаяи (2, 4)
"... и перекуют мечи на орала..."

Листьев покой,
Так близок
Тот остров —
Лишь лодку возьми
И пересеки море огня.

Я СТОЯЛА В ИЕРУСАЛИМЕ

Я стояла
В Иерусалиме,
Висящем на облаке,
На кладбище
С плачущими людьми,
Кривым деревом.
Очертания гор неясные
И башня.
Вас ведь нет! —
Говорила нам
Смерть.
Тебя ведь нет! —
Она обращалась ко мне.

Я стояла
В Иерусалиме,
Расчерченном солнцем.
С улыбкой невесты,
В поле
У тонкой, зеленой травы.

Почему ты боялась меня вчера под дождем? —
Говорила мне смерть.
Разве я не сестра тебе,
Тихая, старшая...

КАРМЕЛ НЕЗРИМЫЙ

Когда умру,
когда я перейду в другую сущность, —
расстанется тогда Кармел незримый мой,
который весь во мне,
весь — средоточие счастья, —
его густая хвоя, униженная шишками, цветы и облака
врезаны в тело мое, —
расстанется с другим Кармелом, зримым,
аллеями высоких сосен, нисходящих к морю.

Так разве наслаждение закатами багряными
от основанья смертного во мне?
И наслажденье ароматами трав,
или мгновенье в мареве надводном,
или мгновение возврата
к властному взору неба Иерусалима,
к высокому над всем высоким —
разве от основанья смертного все это?

ТОГДА ЗАКРИЧИТ ДУША МОЯ

Тогда душа моя закричит:
Губы запекшиеся,
Вы на одной стороне,
А мир на стороне другой,
Весь мир на другой стороне.

Ибо
В той комнате, залитой солнцем,
Я стояла
Так близко к ней,
Что рот мой касался ее лица,
Измененного смертными муками.
Произнесла она мое имя
Голосом,

Ночевавшим на дне морском,
Голосом далеким и тусклым,
Разбившим вдребезги зеркала
Серебряные.
Произнесли мое имя
Губы ее в дыму.

ДНИ ГОРЯЩИЕ

Дни горящие, летящие,
Когда я бежала от привязанности к вещам,
Когда думала —
Блеск вещей,
Утонченность манер,
Избыток учености и почета
Заставляют забыть вкус небес,
Засыпают колодцы.
Дни горящие,
Когда пели души:
Умереть как сыновья Аарона,
Богу огонь принося—
Возвышенной дома прелестного,
Выше лозы золотой.

СОЛНЦЕ ОСВЕТИЛО ВЕТКУ ВЛАЖНУЮ

Солнце осветило ветку влажную,
И листья золотые поймали
Зрачки;
Золота листья, блуждавшие
Ночь и день
В крови сердца,
Изменили свой вид.

А когда достигли
Душ^и,
Ее одиночества,
Стали дальними знаками
Света,
Знаками с неба,
Знаменьями древними.

НЕ ОТДАЛЯЙСЯ!*

Утешители входят во двор,
во внешний.
Вот они стоят возле ворот,
обращенных к долине смертных теней
и наводящих страх кругом, кругом.

Стоянье у ворот — это все, что по силам,
все, что могут взять на себя утешители.
Но ведь душа моя также на расстоянии верст
от самоощущений плачущего. Так преуказано.

Ты, сотворивший ночи и ветер,
ведь это против Тебя стенанье неумное это.
Не отдаляйся.
Да не встанут стенами
миллионы лет световых
Между Тобой и Иовом.

* Даем два перевода одного стихотворения.

НЕ ОТДАЛЯЙСЯ!

Утешители входят во двор
Внешний,
Стоят у ворот,
Обращенных к долине скорби,
и страх ее везде, везде.

У ворот стояние — это все,
Что по силам утешителям.
И душа моя на большом расстоянии
От "я" плачущего. Таков закон.

Творец ночей и ветра,
Ведь к Тебе обращен этот страшный плач,
Не отдаляйся —
Пусть не встанут преградой
Миллионы световых лет
Меж Тобой и Иовом.

КОГДА ТЫ БЫЛ ЗДЕСЬ

Когда ты был здесь,
И твой карий взгляд защищал меня,
И наши мысли касались
Вдруг
Крылом крыла...

Когда ты был со мной
Среди дел преходящих,
Были стены друзьями старыми,
Что поведали нам древние легенды
Вечером,
Когда мы пили чай.

Стены теперь не убежище,
Они замкнулись в своем молчании
И не обратят внимания, когда я упаду.
Стены теперь — известь, цемент,
Основа чужая,
Нечто безответное, как смерть.

ДИКИЙ ДИАЛОГ

Дикий диалог
Между женщиной, ввергнутой в страдание,
И солнцем с высот
На нежном, трепетном языке
Лучей,
С тайною красок радуги.
А когда она закрывает глаза,
Внезапно
На нее наступает волна цвета крови
И покрывает павлиньи перья, что рисовал воздух
Когда глаза утомленные закрывает она,
Поглощает темное море
Мир.

Рина КЛИНОВА

ЛУЧШЕ БЫ...

Забыть бы лучше,
Жить лучше просто так, без фраз,
Как будто лишь сейчас открылся случай
Раскрыть глаза на небо в первый раз,
Как будто я ступать училась снова,
Не сделан первый шаг в младенческой ходьбе,
И в первый раз промолвленное слово
Неслыханную весть несет в себе.

МЕЛОДИЯ

Мотивчик прозвучал у моего порога,
И сразу закружилась голова.
Поймать его, запомнить хоть немного —
А он скользнул, лишь подразнив едва.

Пуститься догонять — напрасно это:
Мелькнет, вспорхнет, а где — и не пойму.
Блуждает по земле и ждет, что кто-то где-то
Высокий смысл и строй придаст ему.

И если я когда-то снова встречу
Мотив, звучащий зрелой глубиной, —
Услышу ли? Узнаю ли? Замечу?
Я буду тоже ведь совсем иной...

В ГОРОДЕ

Улицы и люди — тьма секретов.
К ним рвалась — разгадки были тщетны.
Вам клянусь, я жаждала ответов,
Но чуть мелькнув, все таяли.

Долго собирала — шла с сумою —
Фраз обрывки, взгляды, быль и небыль.
Здание я строила такое,
Чтобы верхом доставало неба.

Здание, куда вошли бы сами,
Всяк — в свой храм, в ковчег, в свое владенье
Но едва к ним прикасалась снами,
Рушилось воздушное строенье.

А. МАРГАЛИТ

ВРАТА ОТКРЫЛИСЬ*

...И заплакал народ. Где он слезы нашел?
Он давно уже тверже кремня.
Слезы прошлого стали горячей золой,
Остающейся после огня.

Но народ вдруг заплакал! Омылась душа,
Возродилась, светла и чиста.
И глаза засияли, — увидели все,
Как пред ними открылись врата.

И слезами омоченный хлеба кус
Был особенно сладок на вкус.
Ни одной не утерли слезы. Пусть течет! —
Так от радости плакал народ.

Всколыхнулся мир, до глубин потрясен,
не поняв: это явь или сон? —
Как же так! Был народ уничтожен, сожжен,
Но воскрес чудным образом он.
И печального времени ропот и стон
Словно ливнем весенним сметен.

*Стихотворение написано во время Шестидневной войны, после освобождения Старого города и воссоединения Иерусалима.

И у воинов заулыбались глаза,
Сталь зрачков смягчила слеза,
И седины — то инеем выпал мороз —
Как бы таяли в паводке слез.
Оживились сокрытые воды земли
И в колодцы пустые пришли.

Ривка МИРЬЯМ

Я

Я — всего-навсего смеющийся, улыбчивый рот.

Я — всего-навсего слезинка.

Я — чей-то вздох.

Вот я — живот женщины нагой.

Я — молчание бури,

Я — щебетание птицы,

Я — старческая рука,

Вот я — искорка света.

Вот я — страх.

Я — радость

Или смех, или рыдание.

И всегда — удивление.

НАРОД МОЙ

Народ мой в земле не нашла.

Перебирала комья земли,

Когда опускаются потоки дождя.

Народ мой в земле не нашла.

Только зло смотрела она на меня,

Переворачиваясь на живот.

Народ мой искала в туманном лике

Господа моего, Старика, Великана.

И повернулся Он бестелесно ко мне

Своим тяжелым, синим туманом,

И синь была пуста, печальна и глубока.

И не было в нем моего народа.

Искала народ мой на небе,

В облаках его пустопорожних.
И там я его не нашла.
В ничто он ушел, в ничто,
Народ мой.
Но вдруг слышала я в тишине глубокой —
Дрожат струны в глуби меня самой,
И рассекла я глубь.
Всю себя рассеяла по ветру.
И больше меня не осталось.
Трепеща, я закрыла глаза и увидела —
Из меня народ мой выходит.

МНЕ КОНЧАТЬ ПЕСНИ ПТИЦ

Мне кончать песни птиц,
Что в перелет отправились дальний.
А вы улыбаетесь.
Я смеялась. Ваши улыбки — песни,
Из страны прилетели чужой.
А я улыбка,
Что исторг человек, когда пил, чтобы ее опьянить,
Песня, что птица обронила в испуге
В полете своем.
Птицы отправились в путь, в перелет —
Вам велели их место занять.
А вы улыбаетесь.

К ЗЕМЛЕ МОЕЙ

Земля моя,
Зеркало великого Бога,
Превращение из ничего в сущее,
Превращение сущего в ничто.
Земля моя,
Страстные призывы филина

К горам.
И нет смерти старым деревьям,
И страсть вжимает тяжелые тела
В мою землю.

ПЕСНЯ О МОРЕ*

Если б в меня ворвалось море
И вымыло слезы из глуби моей...
Если бы небо оросило меня
Дождем колыбельных своих...
Устала я.
Люди идут сквозь меня
По дороге, ведущей к последнему покою.

ПЕСНЯ О МОРЕ

Если бы море ворвалось ко мне,
Из меня бы плач унесло,
И небеса б на меня пролили
Все колыбельные песни.
Я устала.
Все люди проходят через меня
На пути к месту последнего покоя.

*Публикуем два перевода одного стихотворения.

Эстер РАБ

* * *

Сердце мое в твоих росах, родина.
Ночью в колючих полях,
В кипарисовых ароматах, во влажных кустарниках
Расправляю я спрятанное крыло.
Дороги твои — песчаные колыбели —
Расстилаются чистым шелком
Меж ограждениями из мимоз,
всегда мне идти по ним,
словно заколдованной еще неизвестным чудом.
И волнуются прозрачные небеса
над темнотой замерзшего моря деревьев.

ТЕЛЬ-АВИВ

Как я заплачу — нет у меня слез,
я иду, пританцовывая,
бунтующими стопами
по песку твоей земли — ты
не жнивье и не оливы,
тут будь доволен жалкими грядками,
тут бетонные плиты
на плоской груди твоей.
Твои вечера
еще разбрызжат сок звезд
или влажность моря,
и я вечером поднимусь
к подножью холмов твоих,
рыдая,
словно сухая осока.

* * *

К тебе я тяну ладони,
к свету,
что еще теплится
в твоих глазах
для меня.
А ты — оскаливаешь
клыки
на мягкую,
на золотистую плоть
мою.
Но даже если швырнуть
мою плоть
на поле,
и ястреб закружит над ней,
к тебе я буду тянуть ладони,
к свету,
что еще теплится
в твоих глазах
для меня.

ОТЦУ

К 50-летию его поселения на землях Петах-Тиквы.

Благословение рукам,
сеющим
в зимнее утро
под шорох
стремительных скворцов
на полях красноземных.
Благословение рукам,
сеющим виноградные лозы,
и эвкалипты, словно благоухающие знамена,
над водами Яркона.
Благословение рукам,
взнуздывающим коня
и прижимающим к щеке

приклад ружья,
чтоб отгнать врага
от бедной хижины нашей,
мирной хижины,
царствующей над полями и колючими зарослями.
И вот она —
крепкая зелень над птенцами,
вот они —
дунамы мягкой вики,
и быки отдыхают в болотной жиже...
Пахарь вопреки пустыне,
первый, взломавший девственность
Земли...
Благословение рукам!

* * *

Налей вино,
наполни чашу
черным вином правды.
Лишь оно сладит мою гортань.
И аромат его, старый и горький,
наполняя ноздри,
будет вкусен мне,
словно каждодневный хлеб.
Что мне ваши сладости,
и розы свершений ваших,
словно тряпье они
для мудрого тела правды.
Дайте мне горькую правду,
с открытыми глазами,
ту, что в гордости движет меня
к иллюзиям
и разочарованиям.

ПЕРВЫМ

Две впадины,
 словно зарубки времени,
на щеках,
морщины лба
и синие круги
под выцветшими глазами,
слезящимися потихоньку...
Все бrenно!
Все смертно!
Годы,
что пронеслись над вами,
еще пропоют
ваши песни для поколений...
Но замены юности
нет.
Только олива на скале
да виноградники в долинах,
да апельсиновые деревья,
смуглые и стройные,
как ваши сыновья,
да сыновья ваших сыновей —
какие чудеса!
Годы украсили вас
сединой.

ПЕСНЯ ПРОШЕДШЕГО ЛЕТА

Лето —
это цветы на платье моем,
жнивье,
уходящее за горизонт,
и губы твои
на губах моих.
Лето —
это последние маки,
алые

на золоте поля,
прохладные
поливальные машины.
Сырая изгородь в полночь,
загорелые плечи
цвета доброго хлеба
в сильных ладонях твоих,
утренняя роса
на груди...
Все это еще мерцает
из-за тумана
времени...

ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ

Благословен Господь,
Сотворивший меня женщиной.
Вот я — земля и человек,
и нежная плоть.
Благословен Господь,
сотворивший
мягкие полукружия мои,
подобные колесам фортуны
или шарам плодов,
и давший мне плоть
цветущую,
и сделавший меня подобной
полевым росткам плодоносящим.
Благословен Господь,
за то что разорвал облака
на шелк щек и бедер моих.
И вот я выросла,
и прошу —
снова хочу стать девочкой,
плачущей от огорчений,
смеющейся,
поющей во все горло,

тоненькой,
маленькой стрекотуньей
в хоре Твоих херувимов.
И слышно меня,
малышку,
когда я играю
у ног Твоих,
меня Создавший.

ПЛАЧУЩАЯ ЖЕНЩИНА

Внутри меня плачет
Чужая женщина.
Были у нее сыновья —
потеряла:
один погиб от меча,
другой — от лихорадки,
а третий — бродил, бродил и пропал.
Кто она —
женщина, плачущая во мне?
Не я.
Мне незнакомы слезы.
Зато та, другая —
любит поплакать.
Кто-то убил ее,
Что-то убило ее,
и она мертва,
и все же плачет ночами —
по сыновьям,
по себе,
по мужу,
что покинул ее...

* * *

Господи,
от "процедуры" до "процедуры"
вся во власти времени я.
Дай мне
прикоснуться губами
к подножиям гор Твоих прекрасных.
Среди мук
на сыновей, идущих в бой,
дай взглянуть,
на глубокие небеса.
Еще один вдох,
еще глоток воды прозрачной —
прежде чем уйду
навстречу смерти.

* * *

Еще остались дни —
полынно-медовые,
дни светлых
весенних почек,
залитых дегтем.
Еще плетется, задыхаясь,
сердце,
словно еще одна весна
обволакивает тебя,
стремясь к последнему объятию.

Далия РАВИКОВИЧ

ТЫ ЖЕ ПОМНИШЬ...

После того, как все уходят,
остаюсь со стихами наедине,
некоторые стихи — мои,
а некоторые — чужие.
Стихи, написанные другими поэтами,
я люблю больше.
Я остаюсь одна в тишине,
И тает в горле комок,
который душил меня.
Я остаюсь.
Иногда мне хочется, чтобы все ушли.
Писать стихи — это пожалуй приятно.
Сидишь в комнате — а стены становятся выше,
краски — ярче,
голубизна платка приобретает глубину колодца.
Ты хочешь, чтобы все ушли,
Ты не знаешь, что с тобой.
Подумай о том, о сем, а может, еще о чем-то.
Потом — все пройдет, останется — чистый кристалл,
а после — любовь.
Нарцисс вот так любил себя,
Но глуп тот, кто не знает, что и ручей он тоже любил.
Ты сидишь один,
и болит твое сердце, но оно не разорвется.
Тихо-тихо стираются выцветающие образы,
потом стираются изъяны...
А после — в полночь — восходит солнце.
И темные цветы ты помнишь.

Хотел бы ты быть мертвым или живым или еще
кем-нибудь.
Может быть, есть одна страна, и ты любишь ее.
Может быть, есть слово одно.
Ты же помнишь, наверное.
Кто полагает, что солнце зайдет по его желанию, — глуп.
Солнце всегда слоняется, бродит к западу,
к островам.
И к тебе выйдут солнце и луна, лето и зима.
Сокровища, которым нет конца.

ОДЕЖДА

Ты знаешь, сказала она, одежду сшили тебе — из огня.
Ты помнишь, сгорела жена Язона в таком одеянье?
Это все Медея, сказала она, это дело Медеи.
Живи осторожней, сказала она.
Сшили одежду тебе, блистающую, как горячая зола,
Горячую, словно угли.

Ты оденешь ее? Не одевай, сказала она.
Это не ветер свистит, это шипит яд.
И хотя ты не княгиня, что сделаешь ты Медее?
Ты должна различать голоса, сказала она.
Это не ветер свистит.

Ты помнишь, сказала я, когда мне исполнилось шесть,
Мне вымыли голову шампунем, и так я
вышла на улицу.
Запах от мокрой моей головы тянулся за мной,
как облако.

А после болела я — от ветра и от дождя.
Тогда я еще не умела читать греческих трагедий.
Но запах благовоний реял, и я сильно болела.
Теперь-то я знаю, что запах был не естественный.

Что будет с тобой, сказала она, одежду горящую
сшили тебе.
Одежду горящую сшили мне, сказала я ей, я знаю!

Что ж ты стоишь, сказала она, берегись!
Разве ты не знаешь, что такое горящая одежда?

Да, знаю, сказала ей, но беречься я не умею.
Запах тех благовоний дурманит меня.
Сказала я ей: никто со мной соглашаться не обязан,
но не верю я греческим трагедиям.

Но ведь одежда, — сказала, — одежда твоя горит.
Что говоришь? — кричу я ей. — Что говоришь такое?
Нету на мне одежды. Это горю я.

ГОРДОСТЬ*

Даже скалы раскалываются, говорю,
И вовсе не от старости, поверь.
Столетиями навзничь они лежат,
В холод и в жар,
сотнями долгих лет.
Долгие, долгие годы, и можно подумать —
покой!
Они не стронутся с места, пряча расщелины,
и это гордость.
И годы над ними пройдут в ожидании,
и тот, кто расколет их,
еще не пришел.
И тогда расрастается душица-трава,
И волнуются водоросли,
И море вторгается и отступает,
Но скалы кажутся неподвижными,
Пока не придет маленький тюлененок
потереться о скалы,
придет и уйдет.
И вдруг камень взорвется.
Сказала же я тебе —
скалы раскалываются,
и это всегда неожиданно.
А что уж говорить о людях.

*Даем два перевода одного стихотворения.

ГОРДОСТЬ

Даже скалы разламываются, — я скажу тебе.

И это бывает не от старости.

Долгие годы они возлегают на спинах в холод

и в зной.

Столь долгие годы,

что создается ощущение почти что полного покоя.

Они не сдвигаются со своих мест,

чтобы скрыть расщелины.

Это от гордости, должно быть.

Долгие годы проходят в виденьях предстоящего.

Будущий их разрушитель

еще не явился.

И тогда прорастают кустарники. Водоросли взбурлят.

Море прихлынет и отпрянет.

Но кажется, что они неподвижны.

До поры, когда маленькая морская собака

придет потереться о скалы.

Придет и уйдет. И вдруг — камень ранен.

Я ведь сказала тебе, — когда скалы разламываются,

это бывает внезапно.

Тем более люди.

МОЙ ДОМ

Подъезд так красив,

но растение над навесом высохло наполовину,

и жесткие, коричневые листья скапливаются

на ступеньках.

Сквозняки, гуляющие в подъезде,

легки и нежны.

После долгого ожидания

стены радостно набрасываются на вечер.

Новости добираются до моего дома с опозданием.

Всю ночь горит свет над порогом.

Люди приходят и уходят,

сохраняя тайны свои.

Снаружи, в дверях, все медленно разрушается.
Все принадлежит другому столетью,
в то же время все случайно.
Это не пустынный дом Диккенса,
это мой дом.

ПРИШЛА ЗИМА

На всю жизнь запомнила,
как шел первый дождь,
когда у меня не было куртки,
когда у меня не было печки...
Несчастливые годы!

Лето и зима,
первый осенний дождь и последний в сезоне дождей,
повороты колеса фортуны приводят меня
в оцепенение.

Помню — два года тому назад
была страшная буря,
и думала я, что не доживу до конца зимы.

Дождь размягчает листья,
сползает с крыши,
затемняет город для обитателей его.
И вдруг потянуло сердце мое
канатами жалости.
Кто лучше меня знает,
как велика эта мука
людская.
Странно, что не замечала их раньше.
Неужели я одинока?

СТРАСТЬ

Там узнала я страсть, какой никому не знать;
Это было в субботний день, день седьмой —
Иглами к небу тянулись кедр и сосна.

На всем был свет: он хотел как ручей — взлетать;
И кружок зрачка влюбился в круг золотой.
Так узнала я страсть, какой никому не знать.

И вечно готов был свет на верхушках кустов мерцать,
Плавясь в ручье, загораясь с любой волной;
Апельсин моей головы он глазами хотел глотать.

Золотые кувшинки в ручье распахнули рты,
чтоб глотать
Всплески воды и стебельки над водой;
Был субботой тот день, потому что он был седьмой —
Вожделенно, иглами к небу, тянулись кедр и сосна,
И тогда узнала я страсть, какой никому не знать.

* * *

На ночном шоссе опять человек стоит.
Был он моим отцом когда-то, не так давно.
Я должна подойти к нему, туда, где сейчас он стоит,
Потому что я старшей была из его дочерей.

Каждую ночь одиноко он там стоит,
И должна я спускаться к нему, и опять подходить
к нему.
И хочу я спросить: до каких это пор — должна?
И знаю сама: должна. На веки веков.

Он снова стоит там, где опасно стоять,
Как тогда, когда шел по дороге, и машина сбила его.
Его я узнала; и много тому примет,
Что человек этот был когда-то моим отцом.

Не скажет он мне обычных ласковых слов.
Хоть и был он моим отцом когда-то, не так давно,
Хоть я старшей была из его дочерей —
Он не может сказать мне обычных ласковых слов.

РАХЕЛ

АРВА И РОНА*

В одной лазурная и кроткая вода,
другая, гневная, в одежде мутно-пенной,

В одном русле — родные навсегда,
в другом русле — чужие неизменно...

В моей душе к тебе и нежность и вражда,
Как Рона с Арвою, струятся сокровенно.

27.IX.1918 г.

НАСТРОЕНИЕ

А. Д. Гордону

День уходил, уже темнело,
День угасал.
Закатным золотом одело
Вершины скал.

Померк полей простор далекий,
Простор немой,
И смутен путь мой одинокий,
Пустынный мой.

Судьбе всевластной не перечу
И говорю:
За все, за все, что мне навстречу —
Благодарю!

*Это стихотворение написано поэтессой по-русски.

* * *

Ты ли это, конец? Неба ясен простор,
Дней грядущих туманы мерцают вдали,
Травы зелены, осени дни не пришли
До сих пор.

Я приму приговор. В сердце ропота нет.
Улыбались цветы на пути у меня,
Пламенели закаты, был чистым рассвет
Уходящего дня.

* * *

Я боялась,
Чтоб он не простившись от нас не ушел...
Так печальны глаза,
И скрывается горечь во рта уголках;
На забавы детей он посмотрит серьезно,
Разозлится, и вдруг замолчит, будто скажет:
"Не все ли равно?.."

Будет вечер, и встреча друзей, и его опустелое место,
и ужалит уверенность коброй.
Побледнев, мы поднимемся все,
Поспешим в его комнату.
Нет его, нет,
Лишь белеет письмо на столе —
Последнее.

* * *

В моем одиночестве — зверем раненым
Часами лежу в молчании душном,
В саду ни ягодки мне не оставлено,
Но все простило сердце послушное.

Если эти дни последние, как мне быть?
Надо тихою стать, бессловесною,
Чтобы горечью не возмутить
Подругу мою — синеву небесную.

* * *

Рукою доброю погладь мою, —
Пусть как сестре — назад не оглянуться.
Мы знаем: после бури кораблю
В родную гавань больше не вернуться.

Утри мне слезы. Только ты один
Найти сумеешь ласковое слово.
Мы оба точно знаем: блудный сын
Родного неба не увидит снова.

В НОЧИ БЕССОННЫЕ

Как сердце устало в ночи горевать,
В ночи горевать под бессонной тоской.
Своею рукою ли нить оборвать,
Лишь нить оборвать — и конец, и покой?

Но день занялся, он ко мне наяву
Прозрачным крылом постучался в окно.
Своею рукою ли нить оборву?
Терпи, мое сердце... мгновенье одно.

* * *

Без слов, без движенья
К тебе я прижалась.
Миг вечности равен,
В нем нежность и жалость.

Познаю покой
Изнуренного зноем:
Он сел отдохнуть,
Скрытый тенью лесною.

Забуду судьбы
Беспощадную руку.
Для праздничной жизни
Готовящей муку.

Миг вечности равен.
В нем нежность и жалость.
Без слов, без движенья
К тебе я прижалась...

СТРАНЕ МОЕЙ

Страна моя, тебя
Не воспевала я.
Не славилa побед
И бед борьбы твоей:
У Иордана я
Сажала деревцо,
Тропинку нашла,
Бродя среди полей.

Мой дар убог и нищ —
Я знаю это, мать! —
Дар дочери твоей
Убог, и нищ, и тих:
Лишь радости заря,
Когда взойдет твой день,
Лишь затаенный плач
О бедствиях твоих.

РАХЕЛ

Да, кровь ее в крови моей
И песня в песне неустанной.
Рахел, пастушка стад Лавана,
Рахел, праматерь матерей.

И потому мне тесен дом.
За город — там пастушки пели,
Там трепетал платок Рахели
В пустыне, на ветру сухом.

Иду с котомкою своей,
Дорога знойная пылится,
В босых ногах моих хранится
Вся память тех далеких дней.

НА ЧУЖБИНЕ

Так я сижу... Тело поникло, дрожит рука.
Солнце на небе чужом стынет.
Слышу тихий приказ — по родине это тоска —
Встань и иди! Что тебе на чужбине!

Так поднимаюсь... Так это в тысячный раз со мной.
Так я иду. Усилье бесплодно.
Так по дорогам бреду в дождь и зной;
Так я люблю... Так: безысходно.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Эта слабая плоть,
Это сердце печальное —
Это
Превратится в крупички земли плодоносной.
И в зной,
Пробудившись, возжаждет
Веселой струи водяной,
И потянется ввысь,
И пробьется к весеннему свету.
Напитавшись дождем,
Я воспряну, я вырвусь на волю

Из могилы глубокой,
Сквозь комья земли полевой,
И увижу я небо —
Кустами, цветами, травой,
И зажмурю глаза,
Обожженные зноем и болью.

* * *

Если даже не раз говорила: конец,
Если крикнула: воля превыше всего,
То по звону оков, то по стуку сердец
Я пойму: не изменим уже ничего.

Но пока мое сердце ты держишь в руке,
То, захочешь, — сожмешь, то отпустишь почти,
Все трепещет оно, все томится в тоске,
И молчит, и молчит.

* * *

А та, другая, та, что будет жить
После меня в твоей души укрытье, —
Ей ту же сладость горькую испить,
Которую должна была испить я.

Заставит ли она меня забыть?
Или ко мне пойдешь по вешним росам,
Чтоб память ту далекую любить,
Что я вплела в заветных песен косы?

* * *

Я себя до конца рассказала,
В места потайные
Вела я чужих, указала:
Вот —
Растоптана гордость, вот — надежда угасла.
И покой за отчаянья бурей
Идет.

И ты среди них,
И ты, чужой и родной,
Пришел и, взглянув, удивился.
А мне суждено оставаться одной,
И я в углу притаилась.
Неужто, неужто приснилось
И не было ничего?

БЕЗДЕТНАЯ

Как бы хотелось мне сына иметь!
Был бы кудрявый он, умный малыш.
За руку шел бы тихонько со мной
На сад поглядеть.
Мальчик
Ты мой.

Звала б его Ури, Ури родной.
Звук этот ясен и чист, и высок —
Луч золотой,
Мой смуглый сынок,
Ури
Ты мой.

Еще буду роптать, как роптала Рахел, наша мать,
Еще буду молиться, как Хана молилась в Шило́*,
Еще буду я ждать
его.

*И праматерь Рахел, и Хана, мать пророка Самуила, были вначале бездетными. Шило́ произносится с ударением на последнем слоге (Прим. переводчицы).

* * *

Может быть*,
Никогда не бывало тех дней?
Может быть,
Никогда не вставала с зарей и не шла
По росистым лугам я косить?

Никогда в те горящие долгие дни
На полях
Не везла я с ликующей песней снопы
На тяжелых, высоких возах?

Никогда не бросалась в кристальную синь
Твоих волн?
О Киннерет ты мой, о Киннерет ты мой,
Неужели ты был только сон?

* * *

Может быть, никогда не случилось со мной,
Может быть,
Никогда не спускалась я в сад мой с зарей
Своим потом его оросить?

И когда убегали под солнечный зной
Жатвы дни,
Никогда на снопах, на телеге простой,
Не певала я песни свои?

Никогда не купалась в волне голубой,
В тишине
Тех киннеретских вод?..
Был ли ты иль пригрезился мне?

*Даем два разных перевода одного стихотворения.

КОЛЬ СУДЬБОЙ УГОТОВАН МНЕ ПУТЬ

Коль судьбой уготован мне путь
От пределов твоих жить далёко,
О Киннерет, дай мне отдохнуть
На погосте твоём одиноком*.

Его грусть примиренья полна,
Не застыла в могильном унынье,
И бодрящая песня труда
Долетает с ближайшей долины.

Об ушедших там память, как ткань,
С миром жизни в едином сплетенье,
Над могилами древо, как длань,
Наклоняется с благословеньем.

Коль судьбой уготован мне путь
от пределов твоих жить далеко,
О Киннерет, приду отдохнуть
На погосте твоём одиноком!

В ГОРОДЕ

В чередованьях дней однообразных
Себя к бетонным джунглям приучу,
И в каждодневном шуме улиц грязных
"Киннерет мой" в слезах не прошепчу.

И только ночью, в тишине желанной,
Когда за грустью мне не уследить,
Я буду подживающую рану
Скребком воспоминаний беречь.

*Пожелание поэтессы было исполнено, и она похоронена на берегу озера Киннерет.

ПЕСНЯ

Тебе и о тебе — рассветы и закаты,
И радость, и печаль тебе пою,
Грозу и тишину, свершенья и утраты,
Любовь свою и ненависть свою.

Когда в ответ ни слова не слыхала,
Рвалась терпенья нить. А завтра вновь
Ты был со мной, и пели, как сначала,
Тебе, тебе любовь и нелюбовь.

Тебе, тебе, ты, о тебе, с тобою,
Для сотен скрипок и на сотни лет —
Гроза, и тишь, и небо голубое,
Недуг, и исцеление, и свет.

* * *

Напрасен мой испуг на этот раз:
То был лишь сон, и явь тому порука.
Лишь встретить взгляд твоих вчерашних глаз
И удержать в руке дневную руку.

Мы не забыли молодость, о нет, —
В такой измене мы не виноваты.
Киннерет тих, и ясен солнца свет —
Пред ним отступят беды и утраты.

Незримой нитью связан ты со мной.
Она тонка, она хрупка, и все же,
И все же мой испуг — кошмар ночной:
Открыть глаза — и сгинет. Боже, Боже!

* * *

Памяти Ш. П.

Не раз в летний день предзакатной порой,
В тоске угасавших лучей,
Ходила к тебе я знакомой тропой,
Внимала я песне твоей:

 "Мой угол так мал и убог,
 И в нем я грущу, одинок!.."

Жива во мне скорбная сладость тех дней,
Что в сердце навек залегла,
Как отзвуки нежные песни твоей,
Что душу томила и жгла:

 "Мой угол так мал и убог,
 И в нем я грущу, одинок!.."

И даже теперь, предзакатной порой,
Вновь сумерки скорбью одев,
Я, кажется, слышу, как встарь, голос твой
И этот наивный напев:

 "Мой угол так мал и убог,
 И в нем я грущу, одинок!.."

* * *

О мать моя, моя страна,
Вся пересохшая от зноя,
Зачем иная сторона
Опять стоит передо мною?

Там на равнинах старики-
Дубы, там елочки-подростки,
Там в легких платьях у реки
Толпятся стройные березки.

Там к ночи солнце устает
Слать в сердце леса луч багряный,
И сосен темное жильё
Наполнено дурманом пьяным.

Земля моя, мой светлый день!
Я за тебя душой болею.
Пролейся, сладостная тень,
Смешавшись с запахом елей!

НОЧЬЮ

Ури

На моей постели, на подушке,
Письма, письма старые лежат.
Я склонюсь над ними, как подружки,
Что судьбу на картах ворожат.

День грядущий станет у порога,
Ворожба уйдет в небытие.
Далека я, далека от Бога —
Знает сердце бедное мое.

Знает сердце грусть горы Гильбоа,
И пока теплится эта грусть,
Тихое, немеркнувшее слово
Я читаю в письмах наизусть.

ГОРАМ

Гляжу на вас любя с земли отлогой,
А синь вершин легка и глубока,
И к пастбищам невидимым дорога
Петляет, высока и далека.

И я на плечи ношу поднимаю.
Ваш зов зовет, и круча не страшит.
Тропинка вверх — как восточка немая
Тому, кто вслед за мною поспешит.

ВЕСНА

Нежданна встреча с ней всегда:
Ее сердечный лепет
Без слов понятен, без труда.
Вся — знак она, вся — трепет.

И у расшатанных оград
Судьба худой садовник —
Веселых нищих дружный ряд:
Горчица и поповник.

В душе весна, и сад цветет.
Весна! И птичье пенье.
О, будь благословенен тот,
Кто дал мне день весенний!

* * *

Он поражает и Его руки врачуют...
(Иов, 5:18)

Хоть сердце и стонет под тяжелой рукою,
Хоть нет исцеленья в железной руке, —
Зато не обманом ты мною владеешь,
Сама ведь избрала я скорбный мой путь.

Я боли хотела, той боли победной,
Богатой дарами целительных ран.
То — плуг бороздящий иссохшую землю,
То—дождь, а не слезы, живительный дождь.

Поля моей скорби покрылись хлебами,
Амбар мой пустой, тебя ждет урожай!
Хоть сердце и стонет под тяжелой рукою, —
Рука та полна благодатных даров.

* * *

О, радость робкая...Цветок полынный,
Взращенный беспокойною рукой
В саду души, моем саду пустынном,
На ниве жизни, на земле сухой.

О, радость малая! Лишь сердце знает,
Что тверд закон, и жесток, и жесток,
Что каждую росинку вымывает
В саду души соленых слез поток.

Но это путь —пути другого нету,
И им идти к безмолвию могил,
Молчать, и тосковать, и петь, а спето —
Молчать и помнить, если хватит сил.

СВОЕЮ РУКОЙ

*"Таково веление гордости:
с в о е ю рукой!.."*

Свое сердце замкну на замок,
Ключ сама утоплю в реке,
Чтобы сердца тревожить не мог
Вечный страх за тебя вдалеке.

Будут утра мои в скорбной мгле,
И овеваны ночи тоской.
Утешенье одно: все себе
Причинила с в о е ю рукой...

В НОЧИ БЫЛЫЕ

И явь, как сон: Киннерет голубой,
Дорожка серебра и берег белый,
Полет к нему воздушный, мы с тобой
И светлый парус под луною зрелой.

Мы из лучей луны связали нить,
И эта нить меня с тобой связала.
Чтоб сон, чтоб нить навеки сохранить,
Идем дорожкой лунной, как бывало.

Прохладой освежающей ключа
Струится память. В ней — как это много! —
Мы оба, ночь, сияние луча,
Киннерет, парус, лунная дорога.

* * *

*"Есть дозволенное и есть
запретное"*

Я из "нельзя" плела свои канаты,
Огонь страстей их опалил, как нить.
Как стебель к солнцу, так и я когда-то
К любви тянулась нежности просить.

Над горькой бездной жизни и кончины
Душа моя согбенней и старей.
От нищеты, позора и кручины,
О горе, отведи глаза скорей.

МОИ МЕРТВЕЦЫ*

"Только мертвые не умирают..."

И. Ш. К.

Только вы остались, чтоб меня беречь,
Только вам не страшен смерти острый меч.

У конца дороги, пред закатом дня,
Молча соберетесь провожать меня.

Наш союз навеки закреплён судьбой:
То, что потеряла, уношу с собой.

* Стихотворение написано поэтессой за несколько дней до смерти.

Хана СЕНЕШ

* * *

Среди моря огня, в свистопляске войны,
На руинах двадцатого века,
Среди выжженных дней, что от крови черны
Я ищу с фонарем человека.

Пусть пожары меня ослепляют в пути,
Тучи дыма пускай нагоняют, —
Все равно я должна человека найти,
Он появится, я это знаю!

Только как отыскать его в этом аду,
Если свет фонаря изнеможет?
Я во мраке тогда человека найду.
Ты отметь его искрою, Боже!

К МАТЕРИ

Ты не стонешь, ты не плачешь,
Ты не жалуешься, мама,
Ты от взоров горе прячешь —
Губы сжав, молчишь упрямо.

Ветер стонет, ночь тревожа,
Море волнами грохочет —
Нет, никто молчать не может,
Нет, никто молчать не хочет!

Но какие только боли,
Молча, ты ни выносила!
Где берешь ты столько воли,
Столько мужества и силы?..

Нахалал, 15.1.40.

СОБИРАЯ ЦВЕТЫ

В полях и горах собирая цветы,
Согретые жарким игривым лучом,
Вдыхаем мы свежесть и сладость весны
На родине милой и в доме родном.

В чужбину на помощь мы к братьям идем,
Страдающим в зимнюю стужу впотьмах,
Предвестье весны в нашем сердце несем,
И песни рассвета у нас на устах.

* * *

Умереть... молодой... умереть?*

Нет, я не хотела.
Любила сияние глаз, море, ветер,
Солнце — больше всего на свете...
Но войны, разрушений и смерти —
Нет, я не хотела.

Но уже если судьбой предназначено мне
Жить в крови и в обломках, в дыму
и в огне, —
Слава Господу, я скажу, лишь за право
дышать,
А настанет минута — и смерть принять
На земле твоей, Родина.
На родной стороне.

Нахалал, 5.5.1941.

* Публикуем два перевода одного стихотворения.

* * *

Умереть... молодой... Нет, нет, не желала.
Полюбила я солнечный свет, его жар,
И песни восторг, когда лица сияли, —
Но ужаса войн, разрушений кошмара
Я не желала.

Если ж мне суждено чашу жизни испить,
Утопая в крови, в хаосе жить, —
Все приемлю за право, пройдя этот путь,
В нареченный мне час непробудно уснуть
На земле твоей, край мой родимый.

Нахалал, 5.5.1941.

* * *

Боже, даруй бессмертие дали морской,
Вышине голубой,
Придорожной траве
На песчаной канве,
И молитве людской...

Кесария, 24.11.1942.

НА ПУТИ

Голос звал — я оставила дом,
Чтоб в пути устоять на ногах.
Не пойти — означало: крах.

Но внезапно на стыке дорог,
Уши накрепко сжав
(чтобы голос умолк), —
Я заплакала: —

Боль извечной утраты
Ступившего за порог.

Кесария, 12.1942.

* * *

Благостно спичке сгоревшей,
но высекшей пламя*;
Благостно пламени, властвовавшему сердцами;
Благостно сердцу, угасшему в схватке
с врагами;
Благостно спичке, сгоревшей,
но высекшей пламя.

Сердице, 2.5.1944

* * *

Как счастлива доля той спички,
Что пламя зажгла нам, сгорая,
Как счастливо пламя,
Что втайне горело, сердца разжигая,
Как счастливо смелое сердце,
Что жертвою пало, дерзая...
Как счастлива доля той спички,
Что пламя зажгла нам, сгорая!

Сердице, 2.5.1944.

* Публикуем два перевода одного стихотворения.

* * *

Шаг, два, три шага... восемь — в длину
И два в ширину. Таковы границы.
На волоске моя жизнь повисает и длится...

День, два, три... ну, неделя... Быть может
Месяц июль меня здесь застанет.
Небытие — у виска. Пустота подступает.

23 мне исполнилось бы в июле.
В дерзких играх брала я отвагой, бывало.
Кубик нечетом выпал. И я проиграла.

20.6.1944.

Ализа ТУР-МАЛКА

ПУРПУРОВЫЕ СТИХИ*

*Посвящается
Алеф-Цади-Гимел***

Пришла пора росы
и песен тихой ночи,
укрыться в тучу.
Все линии стираются во тьме.
Корнями рук своих коснулась
корней твоих волос, и радость
легла на опечаленное сердце.

* * *

В то время, когда наша связь связалась,
как дуновенье ветерка,
и в сердце счастье легкое вселилось,
пророс цветок сверкающий любви
в душе твоей порфирной.

* Пурпурный цвет в Библии – цвет царских одеяний, символ величия.

** Инициалы мужа поэтессы, выдающегося еврейского поэта Ури-Цви Гринберга (1894 – 1981).

* * *

Как жаль часов, когда не знала счастья
любимой быть.

А душу сотрясал тяжелый плач,
и только стих был исповедью сердца
возвышенной.

Сложнее мир вещей, а сущность, как издревле,
исчезает.

Любила дерево, торчащее средь поля;
Свет утренней зари, угаснуть
боящийся;
сердечного любила человека,
который разбивал свое же сердце,
а я в его любви была затиснута в пространство меж
меркою безмерной
и меркою ущербной.

* * *

Глаз внутренний уснет не раньше смерти.
Средь снов ночных он бодрствует один
и не смыкается. Видений пестрых рой
и глубина, что всех глубин глубинней. Голубизны
напор,
роенье облаков...

Глаз внутренний повсюду ищет смысл
в изображениях вереницах скрытый,
в просторах ледяных — тепло души луны.
Знай: у духовности есть цвет и есть оттенки,
и свой удельный вес у света и у тьмы.
Увидишь буйство света, нерв воды,
прослойку темноты в покрове тени
божественной. И почерпнешь надежду
в веселье и в печалях.

Шнурок червленый* — в неистовствах любви,
в изменах выражения ее.

*Шнурок червленый охранял от гибели дом блудницы Рахав, давшей приют разведчикам Иисуса Навина. (Кн. Иисуса Навина, гл. 2).

Хедва ХАРЕХАВИ

ТЬМА БЫЛА СИНЕЙ

ТЬма была синей. И вино было синим.

Даже солнце без берега и без цели было синим,
даже забвение.

Все было синим, когда, вдруг нашли его
разбитого, лишнего, закутанного в темное облако, на
дне моря. Море было алым, жестким, холодным.
Кто-то молился, просил луну.

А кто-то писал прошение страху и молил о покое.

И кто-то обнимал за́мок
радости и целовал колени
свободы.

И только один, прозрачный и хрупкий, не лицемерил —
рассказывал о лунном камне и показывал на
стену.

НЕЖНО

Нежно было.

Далеко-далеко луна распалась на крошки в море,
и волны желтые в мантиях древних,
вдруг превратились в белые шелковые колокольчики.
Исчезли леса, и вместо них возникли кусты —
дикие, прозрачные, всех цветов, и всеми ветвями

своими
цеплялись они за синюю вечность; за вечность, темную
и хрупкую.

Нежно было.

Кто-то тихим голоском говорил о гибели-птицы-
зари; об ожидании -без-цветка, и как, вдруг,
горизонт превратился в волну удивительных грез,
и смутных видений; а кто-то другой рисовал звуки —
низкие — на дне страха, и наигрывал желтую ночь
в царстве ином.

ВСЕГДА, КОГДА ПРИХОДЯТ ЗМЕИ

Всегда, когда приходят змеи,
чтобы в пещерах умирать, —
стоит на рельсах человек,
неведомый
и незнакомый
и машет мне своими шапками.

Я знаю — это он, на царство призванный владыка.
Цветы, вино, и колокольцы
развешаны
на шее у него,
и все его подружки-королевы
омывают, трогают его лицо,
и приторачивают к бедрам
белые
леса и рощи.

Вот за его спиной
волшебница
шагает
петляющей своей походкой.
У ней в ладонях
солнца колесницы,
и вслед за ней неведомая птица
тропинками
песчаные холмы и камни
вздывает на полях.

ПОТОМ ПРОГНАЛИ МЕНЯ ОТТУДА

Потом прогнали меня оттуда,
Ненавидя, чтоб не являлась впредь.
И некуда было мне вернуться.

Ни города — чтобы воскреснуть.
Ни клочка земли — умереть.

Пуа ШАПЕВ-ТОРЕН

ВРАТА СЕРДЦА*

Утром я видела нищего,
Стучал он посохом в дверь,
Но были все двери закрыты.
Вечером услышала птичку в саду,
Клювом она долбила дерево,
Но никто не ответил на птичий зов.
А я не пришла просить или братъ,
Тихонько в ворота к тебе постучала —
И открылись мне створки сердца.
Я не пришла просить,
Но мне было отдано все:
И сердце твое, а с ним и весь мир.
А в мире этом я часто вижу
Нищего, обивающего пороги,
Но все двери закрыты пред ним,
И птицу, безнадежно стучащую
Клювом по дереву, что в саду,
Но никто не отзывается на птичий зов.

В СТРАНЕ ЧУДЕС

Душа твоя, мое дитя, чиста,
Как дуновение ветерка
В саду благоуханном.

*Это стихотворение переведено на 10 языков, в том числе на идиш, арабский и греческий.

Слеза твоя сверкает, как роса
На розе — лепестке щеки.

Подобен крыльям бабочки
Твой нежный поцелуй,
Он по щеке моей витает.
Твой смех — как пенье ручейка средь трав,
А лепет твой, дитя мое,
Как песнь волшебная
В стране чудес.

Бат Шева ШАРИФ

ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСНИ ЛЮБВИ

Словно под нотами в партитуре,
надписать над словами песни:
фортиссимо,
фортиссимо,
и только лучший из дирижеров будет знать —
насколько фортиссимо.
Словно под нотами партитуры надписать:
пианиссимо,
пианиссимо
для дирижера, знающего, —
насколько пианиссимо.

И в опытах науки слова
над мадригалами мелодий
надписать —
(вот оно, то слово!) —
раз фортиссимо,
раз пианиссимо,
и еще раз все, что между ними.
Власть каденции (того, кто читает)
над предметом
еще не исчезла.
Фортиссимо загоревало,
пианиссимо...

пианиссимо.

Песня ушла, пианиссимо, пианиссимо...
Продолжает звучать обертон...

С ВЕДОМА И СОГЛАСИЯ...*

Что было , то и будет.

Пусть правит не пророк, не ясновидец, не мыслитель
из прошлого, — пусть выступит пред нами настоящее.

Опираясь на ось опыта, насыщенного днями,

Мы вращали с благодарностью слова утешения:

Что было уже, то и будет, —

И укреплялись благами настоящего.

Без споров и претензий. А если они возникали,

Тут же мы были наказаны,

Как преступники, словно молчание годится мудрецам.

А кто назначил нас начальниками и судьями

над теми, кто не мечтает?..

Что было уже, то и будет.

Но нынче, душа моя, благослови настоящее,

Которое произойдет на самом деле, а не в мыслях.

Пусть сбудутся сейчас

Дела,

Что происходят.

Не нужно больше утешений, сожалений,

сложных чувств.

Пусть позволят нам молиться вместе с нарушителями

С ведома настоящего

И с ведома поэтов.

И Я СОТРУ...

Я обязательно доберусь далеко-далеко,

корзинка с цветами в руках,

и очи мои закрыты,

и улыбка — сладкая-сладкая — словно яблоко,

а глаза еще спят,

а глаза еще спят.

*Название стихотворения взято из начальных слов формулы, произносимой кантором в Судный день перед "Кол-нидре".
Заключительные две строфы — парафраза тех же начальных слов. Первая строка почти дословно воспроизводит знаменитое изречение из Экклесиаста (Кохелет).

И там за горами света,
там, за реками большими и малыми,
было однажды,
будет еще, —

обратите внимание,
раздвиньте дверцы —
я иду,
корзинка с цветами в руках,
и очи мои закрыты.
Благодарю вас, подхватите под руки,
постелите мне,
только подальше от колючек и терний,
от связанных рук, подальше.
А все строчки, что не поются,
я сотру,
и скажу вдруг — спасибо! —
сладкое-сладкое, как яблоко,
и уйду далеко-далеко...

Нооми ШЕМЕР

ЧЕТЫРЕ БРАТА

Пасхальный сказ вам всем знаком,
Оттуда вышли вчетвером
Мудрец, злодей и простачок
И тот, кто спрашивать не мог.

И так как вчетвером они
Ушли искать свои пути,
Навстречу с каждой стороны
Им всем — приветы и цветы.

Брат мудрый умницу увлек,
Избрал простушку простачок,
А ведьму братец их, злодей,
Назвал при всех женой своей.

А кто связать двух слов не знал,
Невесту краше всех сыскал
И с ней без лишних слов и фраз
Скорей назад в пасхальный сказ.

Куда их привели пути?
Где братьев четырех найти?
Ах, в нашей песенке, друзья,
Так много спрашивать нельзя!

ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ*

1. Вина прозрачней воздух горный,
Под вечер даль светла,
В сосновом ветре так просторно
Плывут колокола.

Кусты и камни спят глубоко,
И, весь в плену у сна,
Стоит мой город одиноко,
И в сердце спит Стена.

Припев: Мой город светлый и святой,
Иерушалаим золотой,
Я лишь струна в твоём кинноре,
Я отзвук твой.

2. Безлюдна площадь у базара,
В колодцах нет воды,
На гору Храма в город Старый
Затеряны следы.

В пещерах горных ветры спорят,
Их свист — как плач, как стон,
Давно мертва дорога к морю,
Дорога в Иерихон.

Припев.

3. К тебе приду — других смиренней —
Твой сын и твой певец,
Сложу псалом, склоню колени
И протяну венец.

*Публикуем три перевода этой весьма популярной песни, последний куплет которой был написан после освобождения Старого города во время Шестидневной войны.

Мой город света, город чуда,
Ты жжешь мне сердце вновь,
Я это имя не забуду,
Как первую любовь.

Припев.

4. Вернулись мы к колодцам старым,
Вот площадь, вот базар,
С горы святой — вослед фанфарам —
Уже трубят шофар.

Сто тысяч солнц над Мертвым морем,
В пещерах ветра звон...
И мы спускались, ветру вторя,
Дорогой в Иерихон.

ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ

1. Прохладен воздух пред закатом
Прозрачен, как вино.
Дыханье сосен ароматных
И звон колоколов.

В дремоте дерева и камня
Весь в дымке золотой
Стоит мой город одиноко —
Он разделен стеной.

Припев: Иерусалим мой золотой,
Из меди, камня и лучей,
Я буду арфой всех напевов
Красы твоей.

2. Иссохли древние истоки
И рынок опустел
И не идут на холм высокий,
Где древний Храм истлел.

Среди пещер ущелий темных
Пустынных ветров вой
И к морю Мертвому не сходят
Долиной Иерихон.

Припев.

3. Пытаясь скромной песней этой
Воздать хвалу тебе,
Я меньше малого поэта,
Ребенка я слабей.

Уста горят, как в поцелуе,
Пред именем твоим
И никогда я не забуду
Тебя, Иерусалим.

Припев.

4. Вода опять шумит в потоках,
И рынок загудел,
И вновь идут на холм высокий,
Где древний Храм истлел.

Среди пещер, ущелий темных
Вновь слышен песни звон.
Мы к морю Мертвому вернулись
Долиной Иерихон.

ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ

1. В зефире горном запах сосен
И колокольный звон,
И воздух, как вино, прозрачен,
Лучами озарен.

В дремоте дерева и камня,
В плененье долгом сна,
Так одинок мой древний город,
В нем — древняя стена.

Припев: Иерусалим мой золотой,
Струишь ты медь в огне лучей,
Я — арфа всем напевам
Мечты твоей.

3. Как воспою тебя я ныне,
Пролью величья свет?
Ничтожней я, чем сын любой твой,
Чем самый скромный твой поэт.

Пусть жжет мне губы это имя,
Терзая мой покой,
Когда Иерусалим забуду,
Мой город золотой.

Припев.

4. Вернулись к площади, к колодцам,
Базар, как встарь, шумит,
И трубный глас зовет нас к Храму,
Где Старый город спит.

В утесе скрытый вход в пещеры
Сияньем озарен,
И к морю Мертвому вернемся
Дорогой в Иерихон.

МОЙ БОЕЦ ПРИШЕЛ ДОМОЙ

Вы меня поймите
И со мной скажите:
"Как прекрасен день такой!"

Ветер навевает,
Словно напевает:
"Мой боец пришел домой!"

Птички на просторе
Напевают хором:
"Как прекрасен день такой!"

Если я волнуюсь,
Это потому что
Мой боец пришел домой.

Кто-то охраняет ночью наших всех бойцов,
Приглядит, наверно, он и за моим бойцом.

Сбереги его
В Рафияхе и Газе,
Чтоб, пройдя огонь и дым,

Побывав в пути
В Иерусалиме даже,
Он остался невредим.

Уставшие в боях,
Бойцы все в лагеря
Вернутся радостно с зарей.

Очи не смыкая,
Буду ждать, я знаю:
Мой боец придет домой.

Кто-то охраняет ночью наших всех бойцов, —
Приглядит, наверно, он и за моим бойцом.

И когда придет,
Я выскочу вперед:
"Глянь, как ясен день такой!"

Словно понимая,
Ветер сообщает,
Что мой боец пришел домой.

Птички на просторе
Вновь затянут хором:
"Как прекрасен день такой!"

Заклучу в объятия,
Буду целовать я,
Знаю: он теперь
Вновь со мной.

ЗАВТРА

Мы завтра, может, в море уплывем
От берегов Эйлатских вдаль,
На броненосцах старых повезем
И апельсины и миндаль.
Припев: Пожалуй, это не мечта, не сказ, —
Мне как солнце это ясно,
И завтра сбудется, коль не сейчас,
Но сбыться может ежечасно.

И завтра, может быть, с гор под уклон
Лев поведет стада овец.
Как в праздник, колокольцев звон
Вольется в тысячи сердец.
Пожалуй, это не мечта, не сказ...

Поселков новых тысячи вокруг
Зальются песнями с балкона на балкон,
И завтра меж руин прорвется вдруг
Краса тюльпанов, сказочных, как сон.
Пожалуй, это не мечта, не сказ...

И завтра скинет форму наш боец,
Замрут сердца, но их подымет шквал,
И каждый будет строить, наконец,
Все то, о чем сегодня он мечтал.
Пожалуй, это не мечта, не сказ, —
Мне как солнце это ясно,
И завтра сбудется, коль не сейчас,
Коль не сейчас,
Пусть даже не сейчас,
Но если не сейчас,
То
Ежечасно.

ЭЛИШЕВА

* * *

Эти малые цветики скромно цвели —
Светло-синее и голубое —
И росли под ногами, в песке и пыли,
Под сиянием летнего зноя.

Подойти мы не смели, сорвать не смогли,
И под неба полдневного чашей
И поныне цветы расцветают в пыли
и молчат про молчание наше.

ЛИСТОПАД

Золотым дождем струит листопад
Сквозь осеннюю синеву.
Опадают листья, летят, летят,
Тихо падают на траву.

Почему листва, что так хороша,
Отмирает, как жизнь, легко?
Почему ко многим лежит душа,
А они далеко, далеко?

Глаза и голоса судьбою правили,
Еще чуть — и кругом голова!
С порывом ветра все меня оставили,
Как осенью дерево листва.

Не мне идти дорогой дальнею.
Душа разлукою больна.
Средь листопада, осенью печальною,
Осталась я совсем одна.

ВЕСЬ ДЕНЬ-ДЕНЬСКОЙ Я ГРЕЖУ

Весь день-деньской я грежу, как во сне,
А ночью сердце, бодрствуя, стучит.
Когда молчу — поют стихи во мне,
Когда пою — душа моя молчит.

С тех пор, как услышала в песне я
Тот голос с той, нездешней стороны,
Клянусь, ему покорна жизнь моя,
Им песни и мечты мои полны.

И если дух в дороге изнемог,
Дано мне счастье тихое найти —
Перед Тобою, безымянный Бог,
Склонить свои колени на пути.

У чуда сердце и душа в плену,
Для сердца песня тихая моя.
Из смертных назовите хоть одну,
Кто так же счастлив на земле, как я.

РАССТАЛИСЬ НАВСЕГДА

Навсегда рассталась, навсегда я!
Кто печаль мою понять бы смог?
...Только море ропщет, не смолкая,
Только вечер грустно одинок.

Стерся горизонт, померкли тени,
Серебруются облаков стада.
Не видна средь их нагромождений
Там, в вечерних сумерках, звезда.

Звездочка, которую желала,
Не осветит сумрачную даль.
Нашу связь сама я разорвала,
Получила — новую печаль.

Счастья погребенные минуты
Там, в песке забвенья моего...
Ложь! — кричу я им в порыве смуты —
Не хотело сердце ничего!

Только грусти тайное уменье...
Ждать часы и годы — все больней.
Кто познает горечь утешенья,
Что взойдет из дальней дали дней.

НА БЕРЕГУ КИННЕРЕТА

Волна, шепчась с волной, почти уснула,
Киннерет отдыхает, тишина.
Вот чайка белокрылая блеснула,
Как тень, на миг в волнах она мелькнула,
Вот в сердце песни дрогнула струна.

А зеркало серебряное дышит
В оправе гор, что высятся вдали,
Глядит на небеса, шурша все тише,
И шепчется, — хотя никто не слышит, —
О мирозданье, таинствах земли.

Нет, здесь не буду петь. Я не прерву словами
Прекрасного волненья полусна.
Одна, между водой и небесами,
Сроднясь с возлюбленными берегами,
Сижу, сыта скитаньями сполна.

КАК ТЕНЬ КРЫЛА

Как тень крыла над гладью вод широкой,
Как отзвучавшей песни отзвук, след,
Как знак печали в бездне глаз глубокой —
Во мне хранится прошлого секрет.

И иногда внезапно, пред чужим,
Он вдруг возникнет, будто тень бывшего,
И до того, как я пойму, люблю ли снова,
Мгновение ушло, прошло, как дым.

ЛЕХАИМ!

За жизнь! Лехаим! Вновь нальем!
Вина янтарен цвет,
Мы снова вместе, мы вдвоем,
А мне уж сорок лет.

Былого не было у нас,
Дорога далека...
Не потому ли свет из глаз,
Беседа так легка!

Ты можешь тем счастливым быть,
Что тень стирает тень,
Что для того, чтоб все забыть,
Подходит этот день.

Пропетых песен зов вдали,
И легок бег минут.
За жизнь! За годы, что прошли,
За годы, что придут!

ТАКОЙ ПОДАРОК

Лишенный запаха цветок
Мне в дар принять почти не жаль.
Мне открывается в свой срок,
Что пахнет радостью печаль.

Прохожий, я твой дар — цветок
Без огорчения приму.
Все выдыхается в свой срок,
И небо сеет свет сквозь тьму.

А здесь, в кладбищенском саду,
И неподвижность, и покой.
Могилу друга обойду,
Не прикоснувшись к ней рукой.

ПЕРЕД РАССТАВАНИЕМ

Вечер был задумчив, тих и длинен.
Медленно брели мы среди тьмы.
В годы безвременья кто повинен,
Что любили, радовались мы?

Вечер черный, черный и печальный.
Горечи знакомой нет конца.
Светятся приветствием прощальным
Молчаливо-скорбные сердца.

Я живым мечтаньям не перечу,
И надежда крепкая со мной,
Что тебя опять я завтра встречу,
Завтра, в этой жизни — иль в иной.

БЕСЕДА С ВЕТРОМ

Я выйду, окликну ветер:
— Скажи-ка ты, ветер, я чья?
Мне смеючись ветер ответит:
”Ты чья-нибудь, думаю я”.

— Целуй только ты меня, ветер, —
Подставлю я губы свои.
”А что, — издевается ветер, —
У милого мало любви?”

На ропот, на жалобы эти, —
Вконец я устала, как быть? —
Как эхо откликнется ветер:
”Лишь молодость — время любить”.

— Ты, ветер, слукавил в ответе.
Верни-ка мне, ветер, покой.
Развей-ка ты по свету, ветер,
Смятение с тяжкой тоской.

”Страсть-странница скрыта от взоров,
Неведомы сердца пути.
Я, ветер родимых просторов,
Лишь отзвуки смог донести”.

Так ветер нашепчется вволю
Про волю, про скрытый порыв.
Когда ж отдохнуть он позволит,
Любимого имя открыв?

Мирьям ЯЛАН-ШТЕКЕЛИС

УРА!

Темная ночь.
Ветер бушует. Ни зги не видать.
Люди боятся огни зажигать.
Пусто на улицах,
Пусто в домах.
Слышен лишь вой одичалых собак.
Где-то евреи лежат в погребках.

Страшная ночь.
Пьяные крики пьяных солдат.
Руки измазаны,
Ноги скользят
В лужах крови.

”Ура! Господи, благослови!”
Слава, солдатики, слава,
Враг побежден!
Осени себя крестом,
Подпоясайся кнутом,
И на славу всей Руси —
Бей, руби их, жги, коси!
Слава, герои, вам слава!
Вы подушки разрывайте,
Перья в воздух выпускайте,
А что лучше — на коня!
Сгинь ты, сгинь ты, жидовня!

Черная ночь.
Небо исчезло. Как плаха земля,
Позором и кровью пропитана вся.

Харьков, 13 ноября 1919 г.
Дни погромов, учиненных белогвардейцами на Украине.
(Примечание поэтессы).

Я ТАК ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я так люблю тебя, далекий край,
Родной мой, край любимый.
Мне кажется, я видела тебя
Так много раз
Во сне и наяву, неисчислимо
Много раз.

Ведь ты живешь во мне
С тех пор, как бабушка меня учила
"Моде ани"*,
С тех пор, как мать меня носила
В себе,
С тех пор, как силой нас изгнали
И мы на реках вавилонских тосковали
По тебе.

О если бы могла я жить с тобою
И в тебе —
Ты б тяжесть горя поделил со мною,
Ты бы укрыл меня от страхов
Этой страшной жизни,
Ты превратил бы скорбь в любовь,
О край моей отчизны.

Батум, сент. 1920 г.

* "Моде ани" — "Благодарю"; так начинается краткая утрен-
няя молитва. (Примечание поэтессы).

ЛЮДЯМ

Мое сердце наполнено жалостью,
Люди, к вам.

Я бы дни свои отдала с радостью,
Люди, вам.

Вы — как дети слепые и бедные,
Только мать
Вам умеет с улыбкой победною
Жизнь отдать.

Что я дать вам могу? Тяжелую
Грусть мою?
Или юность мою невеселую,
Песнь мою?

Иерусалим, сентябрь 1922 г.

ХОЧУ ЛИ Я ИЛЬ НЕ ХОЧУ

Хочу ли я иль не хочу:
Во мне века еврейской доли,
Позор и гордость нашей боли,
И ненависть к мечу.

И свет во мне от всех свечей
Субботы, — свет, и грусть, и радость,
И горькая, святая сладость
Молитвы матери моей.

О, Бог забытый, незнакомый,
Благодарю тебя, мой Бог,
За то, что дал ты мне так много,
За то, что мой удел не легок,
И что иным он быть не мог.

Иерусалим, 1923

УТРО

Бывают дни: встаешь веселая,
Смеешься с раннего утра.
Сияет небо, словно влажные,
Едва умытые со сна,
Прозрачные глазенки.
Нигде ни тени.
Лишь вдали спокойная черта
Иудейских синих гор.
Знакомый кипарис перед окном,
Высокий и зеленый,
И белая дорога за оградой,
И скачущий в пыли смешной осленок,
Неистово кричащий в мир
О чем-то о своем,
И роза желтая в узорчатом стакане
На белой скатерти накрытого стола,

И светлые глаза — твои, любимый...

Иерусалим, 1923–24

ГОВОРЯТ СЛОВАМИ ТЕ

Говорят словами те,
Что любить не умеют.
У меня при тебе
Лишь глаза темнеют.

И я знаю: ты странный,
Ты непокорный,
От руки твоей жить больнее...
Ах, уйти бы в родные страны,
Да пойти бы с тобой по горам
Галилеи...

Берлин, 1924

КАК БУДТО ЖУТКО МНЕ

Как будто жутко мне, и радостно, и будто влюблена,
Стучит висок. Быстрее шаг. И сердцу веселее.
А в волосах давно уже струится седина.
Но я не знаю, чья любовь сильнее —
Того ли, кто один лишь раз любить умеет,
Или того, кто после каждой смерти — вновь
Умеет воскрешать тебя, любовь?

Кто знает, может быть, и в этом
Высокое задание судьбы поэта, —
Среди безмерных мук и льющейся по миру крови
Хранить росток зеленый просто человеческой любви.
И сердцем горестным и гордым верить в чудо,
И ждать его, и ждать его всегда и всюду,
И сердце донести, как чашу полную до края,
До смерти донести, единой капли не роняя,
И петь тебя, любовь, до смерти петь, не умолкая.

Иерусалим, 1952

КОГДА МАТЬ МОЯ ПОДОШЛА К ВОРОТАМ

Когда мать моя подошла к воротам —
Широко распахнулись ворота пред нею,
Когда мать моя подошла к воротам —
Вышли ангелы к ней навстречу,
Когда мать моя подошла к воротам —
Запели ангелы песни хвалебные
И зашептали: Смотрите, смотрите —
Будто сейчас, будто сию лишь минуту
Вышла она из святого святых.

И ангел, большой и печальный,
Радостно к ней обратился:
Благословен твой приход, моя дочь,
Благословен твой приход, о мать!
Но мать моя стояла и плакала.

И снова ангел, большой и печальный,
Радостно ей сказал:
Подымись ты к нам, моя дочь,
Подымись ты к нам, о мать!

Но мать моя скрыла глаза
В волне своих темных кос,
И голос ее был неслышен
Из-за завесы слез:

Уж годы прошли, бесконечные годы,
Столько вод утекло в безграничные воды,
Но как подымусь на порог я высокий?
Ведь слышу и слышу я плач моей дочки,
Неслышный тот плач одинокий.

Тогда вышли навстречу ей матери три:
У одной — голова побрита.
У второй — сердце пулей пробито.
А третья — та с дочкой своей на руках,
И обе — сожженный прах.

Открыла глаза моя мать, и они протянули
К ней нежные руки свои,
В глазах их потухших сверкнули
Любовью зажженные звезды,
И мать моя вытерла слезы.
И укрыла волной своих кос
голову бритую,

И дала свое сердце сердцу
пулей пробитому,
И, целуя, согрела в руках
сожженный прах.

И переступила порог
И пошла за ними
По дороге дорог.
А ангелы шли и несли на крылах
Сожженный и ветром развеянный прах.
Иерусалим, 1965

ПИСЬМО

Богу, в раю, на небе.
Здравствуй, Бог!
Наша кошка вдруг сегодня
Родила себе ребят —
Таких смешных, малюсеньких,
Пять розовых котят.
А я? Что я?
Я б только ушки им помыла,
Я б только глазки им раскрыла —
И больше ничего.
Да все разволновались,
И распрыгались, —
"Не смей, нельзя", — и трогать не велят,
Конечно!
Мне все нельзя,
Все запрещают вечно.

А я-то знаю, что я б запретила!
Вчера вот я по нашей улице ходила,
Вдруг — дядя. Без руки!
Кто это сделал?
Разве это можно,
Чтоб в рукаве —
Да чтобы не было руки?
А как же он будет сеять?
Как он будет жать?
И девочка с ним шла,
Такая маленькая.
А если он захочет девочку свою
К груди прижать?
Ведь это просто невозможно!
Прошу тебя, прошу,
Приставь ему, но только осторожно,
Руку новую к плечу.
А я за это обещаю:
Вот никогда, и ничего
Я больше трогать и не захочу!

С забора прыгать больше я не буду.
И на деревца лазить я забуду.
Все обещаю, все.
А ты одно мне только обещай,
Что руку новую приделаешь ему.

Котята спят.
Прощай,
Спокойной ночи.
Дана.

Адрес мой ты знаешь.
А ты как поживаешь?

Иерусалим, 1942

МОЛИТВА

Добрый вечер, Боженька!
Это я тут, Дани.
А Ты меня знаешь, Бог?
Ведь говорят, Ты помнишь каждого —
И важного, и неважного.
А, верно, Ты узнать бы мог
Каждую букашку
И таракашку —
Одну среди целого света —
И того щенка слепого —
Ведь правда это?
А я мальчик, зовут меня Дани,
Стою я на нашей крыше,
Чтобы повыше,
И сейчас
Уж очень поздний час.
И холодно. Потому что скоро осень.
А завтра у меня именины,
И будет мне ровно восемь.
И не надо мне подарков никаких,
И ни веселого обеда,

И никуда я потом не поеду,
И не надо мне даже велосипеда.
И никогда ни о чем я просить не буду —
Только Ты, вот, возьми и сделай такое
Не очень большое
Чудо.
Одно! Чтобы завтра утром рано —
Вот вдруг я встану —
И вдруг я — большой, и герой, и герой!
Герой такой, что никакого страху,
И меч в руке,
И рубит он с размаху!
Такой герой, как были братья Маккавеи,
Чтобы боялись меня все на свете злодеи!
Обучи меня, Бог, обучи,
Быть героем меня научи!
Потому что должен я построить самолет,
И чтобы весил он —
Сто тысяч миллионов тонн.
И крылья у него — совсем огромные,
Как облака на небе осенью бывают темные.
А пушки — прямо страх!
Вот только мигнешь глазом —
И — — — трррах!
И лестница на винтиках приделана,
Да как она ловко сделана —
Та лесенка не маленькая, не простая,
А длинная-предлинная и золотая!
Вот нужно — спускается,
А нужно — вверх подбирается,
И на замок запирается!
И по ней писано буквами ясными,
Ясными-распрекрасными:
Этот самолет
Везет
Евреев
В ИЗ — РА — ИЛЬ!
И буква каждая
Такая большая и важная,

И не чернилами это черными,
А звездами с неба, отборными!
И отовсюду сразу надпись видно,
Чтоб и ребятам малым не было обидно...
И по лесенке, по этой самой,
Подымутся все: и папы, и мамы,
И мальчики, и девочки, и люди,
И старые старички корявенькие,
И старушки костлявенькие,
Даже самые жалкие —
Что ходят по улицам с палками, —
Подымутся все, везде-везде, —
В Америке, и в Африке,
И в Германии, и в Испании,
И в Италии, и в Австралии,
И в том городе тоже —
Вот забыл я, как он называется —
У мамы всегда слезы, как ей вспоминается —
Там дедушка и бабушка жили, —
В том городе, где всех убили, —
И там, и везде, и везде и всюду!
Вот захочу —
Весь шар земной я мигом облечу,
И всех с собою захвачу,
И повезу —
За мной, за мной,
В наш край родной,
Домой —
В Израиль!

Вот это сделай, только это, Боженька!
Тебе ведь это что же?
Ведь ты такой большой, ведь Ты все можешь!
А я прошу Тебя, пожалуйста,
Прошу я очень, очень, —
Пусть только Ты захочешь...
И не забудь:
На крыше я, в Иерусалиме,
Ночь уж.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

РАХЕЛ МОРПУРГО (1790—1871) родилась в Триесте. Первая еврейская поэтесса нового времени. Происходит из семьи известных раввинов, ученых, литераторов, мыслителей и общественных деятелей Луццатто. Получила в молодости широкое еврейское образование — изучала Библию, Талмуд, сочинения еврейских мистиков-каббалистов, труды философского и религиозно-нравственного содержания. Выдержав борьбу с родителями, вышла замуж по любви. Писала стихи лирические и духовно-назидательные, философские и злободневные. Творчество поэтессы отражает ее глубокую веру в Бога, мечту о вызволении еврейского народа и о возвращении его в Страну обетованную. Сохранила творческую активность до глубокой старости. Одно из ее лучших стихотворений "О долина мрака..." написано, когда ей было 77 лет.

По форме ее стихи тяготеют к средневековой еврейской поэзии. В то же время ее перу принадлежат и сонеты, которые ввел в еврейскую поэзию в конце XII в. Иммануэль Римский. К столетию со дня рождения поэтессы в Кракове был издан сборник ее стихотворений, статей и писем под названием "Свирель Рахили" со вступительной статьей И. Х. Кастильони (впоследствии переиздавался).

САРА ШАПИРА родом из раввинской семьи, жила в молодости в Динабурге (Латвия). Биографические данные не сохранились. Случайно удалось установить, что в 1927 г. она находилась в Москве. Прославилась в девяностые годы прошлого века стихотворением "Сион", сразу завоевавшим широкую популярность.

АНДА АМИР-ПИНКЕРФЕЛЬД (1902—1981) родилась в местечке Ржешув (Польша). Семья вскоре

переехала во Львов, где Анда, посещая польскую гимназию, частным образом изучала иврит. Получив аттестат зрелости, поступила в Лейпцигский университет на биологический факультет, но, проучившись пять семестров, вернулась во Львов. Была принята в Еврейский учительский институт, который успешно закончила. В 1920 г. впервые посетила подмандатную Палестину. В 1921 г. дебютировала стихами на польском языке. В 1923 г. репатрировалась вместе с мужем в Эрец-Исраэль и вскоре начала публиковать стихи на иврите. В 1938 году удостоилась премии им. Бялика за стихи для детей. После второй мировой войны была направлена Сохнутом (Еврейским агентством) в лагерь беженцев. Участвовала в Войне за независимость, а после ее окончания работала в архиве Министерства обороны, разбирая письма, дневники и рукописи погибших воинов и подготавливая к печати их биографии. Накопленный ею обширный документальный материал о Катастрофе европейского еврейства и о Войне за независимость лег в основу большой эпической поэмы "Одна".

В течение многих лет Анда Амир возглавляла "Дом Мани Бялик", превратив его в крупнейший женский культурный центр Тель-Авива, где выступали писательницы, поэтессы, певицы, актрисы, учительницы, библиотекари и др.

Доминирующая тема творчества Анды Амир — всепоглощающая любовь, нередко трагическая. Даже такие библейские образы, как Агарь, Лея, Яэл, Далила и другие, трактуются ею прежде всего как образы неистово влюбленных женщин. Ее перу принадлежат многочисленные лирические стихотворения, обработки народных песен, стихотворные отклики на темы дня.

Видное место в ее творчестве занимают стихи для детей — озорные, непосредственные, полные юмора. Амир — одна из самых популярных в стране детских поэтесс. Для детей она, в частности, перевела и обработала "Илиаду" и "Одиссею" Гомера.

Ее основные произведения для взрослых собраны в сборниках "Скирда" (1949), "Одна" (1952), "И все же..." (1980). В 1980 г. Анда Амир удостоена Государственной премии Израиля за стихи для детей.

ТИРЦА АТАР (1941 — 1977) родилась в Тель-Авиве. Дочь выдающегося еврейского поэта Натана Альтермана и известной актрисы Рахел Маркус. Во время прохождения военной службы выступала в художественном ансамбле танковых частей. После замужества уехала в США, где занималась в школе драматического искусства. Вернувшись на родину, участвовала в спектаклях Камерного театра, Хабимы, театра "Завит". Писать начала еще в школьные годы. В 1964 г. был опубликован первый сборник ее стихов, затем были изданы еще два стихотворных сборника и семь книг для детей. Посмертно в 1978 г. вышла книга "Стихи 1976—1977 годов".

Перевела ряд пьес с английского, в том числе "Ричард III" У. Шекспира, "После падения" и "Смерть коммивояжера" А. Миллера, "Стеклянный зверинец" Вильямса. Сочиняла также песни и куплеты для радио, театра и телевидения. Ее песня "Я мечтаю о Нооми" получила международную премию на фестивале в Токио. За свои детские книги удостоена премии им. Зеева. За книгу "Страны забвения" награждена Союзом писателей премией Валенрода.

ИОХЕВЕД БАТ-МИРЬЯМ (1901—1980) родилась в г. Мозырь (Белоруссия) в семье мельника Нахума Железняка. Получила традиционное религиозное воспитание. Собиралась заняться преподавательской деятельностью и прослушала курс лекций известного педагога Аарона Каханштама. В 1923 г. дебютировала стихами на страницах альманаха "Ха-ткуфа". В 1929 г. репатриировалась в Эрец-Исраэль, где началась ее дружба с поэтессой Рахел. Восхищенная красотой Бат-Мирьям, словно "сошедшей со страниц Танаха", Рахел посвятила ей стихотворение "Еврейка".

В 1932 г. опубликован первый сборник стихов Бат-Мирьям "Издалека", сразу принесший поэтессе большую известность. Далее последовали сборники "Свидание", "Силуэт на горизонте", "Эрец-Исраэль", "Из русских стихов", "Стихи гетто" и другие. Бат-Мирьям — лауреат премии им. Бялика (1964) и Государственной премии Израиля (1972).

ФАНЯ БЕРГШТЕЙН (1908 — 1950) родилась в местечке Щучин близ Ломжи в семье еврейского учителя. Во время первой мировой войны, покинув вместе с родителями прифронтовую полосу, оказалась в украинском городе Сумы. Так как в Советской России преподавание иврита было запрещено, отец в 1922 г. переехал в Польшу и поселился в местечке Августов. Вступив в юношескую сионистскую организацию "Хехалуц хацаир", 14-летняя Фаня скоро стала видной активисткой сионистского движения. В 1926 г. дебютировала в газете "Ха-Иом" стихотворением "Моя мечта", подписав его псевдонимом Бат-Хаор*. В 1930 г. репатриировалась в Эрец-Исраэль, где поселилась в киббуце Гват. Несмотря на тяжелую болезнь, до самой смерти не оставляла литературной работы. Исследователю ее творчества Шломо Эвен-Шошану принадлежит интересное наблюдение: в своем последнем стихотворении "Знамения", написанном незадолго до смерти, поэтесса приветствует "свет в доме, свет в глазах и в слезах". Тема света проходит через все ее творчество, окрашенное в жизнеутверждающие, оптимистические тона.

МИРЬЯМ БЕРНШТЕЙН-КОХЕН (1895) — видная израильская актриса, писательница, поэтесса. Родилась в Кишиневе. Ее отец Яков Бернштейн-Коган — выдающийся общественный деятель, один из первых сионистов России. Мирьям училась в Харькове в немецкой гимназии. В 1907 г. вместе с родителями переехала в Эрец-Исраэль. Училась в ивритских школах и в первой ивритской гимназии "Герцлия". В 1910 г. семья вернулась в Кишинев, где Мирьям закончила гимназию, затем в Харькове изучала медицину и актерское мастерство. В 1918 г. закончила медицинский факультет и служила врачом в Красной армии. С 1917 г. выступала на театральных сценах России, а с 1926 г. — в еврейских театрах подмандатной Палестины (Камерный и др.).

*Букв. — дочь света.

Ее литературная деятельность весьма обширна и разнообразна. Переводила с английского на русский, писала стихи на русском, а затем на иврите. Опубликовала много стихов, рассказов, очерков в газетах и журналах. Ее перу принадлежат романы "Мефисто" (1938) и "Пожар" (1948), повесть в стихах "В стране Офир" (1939), сборник рассказов "Женщина на дорогах" (1954), книги "Театр на пороге XX века" (1956), "Мир иллюзий" (сборник статей и очерков о театре, 1961), сборник стихов "Молчание" (1961) и др. Перевела на иврит "Полтаву" А. С. Пушкина, "Письма с фронта" А. Барбюса, ряд рассказов Л. Н. Толстого и Г. Мопассана. Основала и редактировала ивритский журнал "Театр и искусство".

ИОНА ВОЛАХ (1944) родилась в сельскохозяйственном поселении Кфар-Оно в семье выходцев из Бессарабии. Закончила художественный институт "Авни" в Тель-Авиве. Первый поэтический сборник "Кактусы" вышел в свет в 1967 г. С тех пор изданы четыре книги стихов Ионы Волах. Занимается также сочинением музыки и рисованием.

ЛЕА ГОЛЬДБЕРГ (1911—1970) родилась в г. Ковно (ныне Каунас, Литва). Училась в местной ивритской гимназии и дебютировала стихами в гимназическом рукописном журнале. Получила звание доктора философии в Боннском университете. В 1934 г. переехала в Эрец-Исраэль. Восемь лет проработала в редакции рабочей газеты "Давар" в качестве переводчика, театрального критика и редактора детского приложения к газете. Сотрудничала также в отделе критики газеты левых социалистов "Аль ха-мишмар", была членом редакционного совета издательства "Сифриат ха-поалим". По заказу театров "Хабима" и Камерного перевела на иврит ряд пьес. Читала курс мировой литературы в Иерусалимском университете, курс истории театра в школе драматического искусства и ряд курсов по литературам европейских стран в народных университетах. Большой успех выпал на долю ее пьесы "Владелица замка" (1956), затрагивающей тему второй мировой войны и гибели еврейства Польши. Основные ее

поэтические сборники — "Кольца дыма" (1935), "Зеленоглазый колос" (1938), "Из моего старого дома" (1944), "О цветении" (1948), "Молния на заре" (1955), "Рано или поздно" (1959), "Эта ночь" (1964).

ЗЕЛДА (1914) — литературный псевдоним Зелды Мишковской. Родилась в Чернигове в известной раввинской семье Шнеурсон. Репатриировалась в Эрец-Исраэль в 1924 г. Закончила учительскую семинарию и преподавала в религиозных школах Иерусалима и Хайфы. В ее творчестве сильны элементы хасидской мистики. Сборник стихов "Кармел незримый", посвященный памяти мужа поэтессы, скончавшегося в 1971 г., удостоился премии им. Бреннера. В 1977 г. ей присуждена премия им. Бялика.

РИНА КЛИНОВА (1922) родилась в Берлине в семье писателя и журналиста Иешаяху Клинова. В 1933 г. вместе с семьей репатриировалась в Эрец-Исраэль, училась в одной из школ Тель-Авива. В 1941 г. стала членом кибуца "Бет-ха-Арава", который в ходе Войны за независимость оказался на территории, отошедшей к Иордании. С тех пор — член кибуца Кабри. Первый сборник стихов "У порога моего дома" опубликовала в 1939 г. Второй сборник — "Пока нет новостей" — вышел в свет в 1968 г. Кроме того опубликовала четыре переводных книги и несколько книг для детей. Работает редактором издательства "Хакиббуц хамеухад".

А. МАРГАЛИТ (1933) — литературный псевдоним Пнины Лихтштейн, уроженки Иерусалима, дочери раввина Моше Адлера. Воспитанница учительской семинарии "Бет Яков", преподает литературу и иудаизм. Опубликовала пять стихотворных сборников. Творчество А. Маргалит связано с религиозной тематикой. Нередко героями ее стихов становятся персонажи Библии, Талмуда, еврейских легенд и сказаний.

РИВКА МИРЬЯМ (1952) — дочь известного еврейского прозаика, писавшего на идише, Лейба Рохмана. Родители Ривки чудом уцелели в оккупированной

немцами Польше. Первые стихи юной поэтессы были опубликованы, когда ей было 8 лет. Первый сборник стихов вышел в свет в 1966 г., когда Ривка была ученицей религиозной гимназии в Иерусалиме. С тех пор опубликовано пять ее книг. Известна также как талантливая и своеобразная художница. Центральное место в ее поэтическом творчестве занимает тема Катастрофы европейского еврейства.

ЭСТЕР РАБ (1899 — 1981) родилась в Петах-Тикве в семье одного из основателей этого поселения. В 16 лет стала членом кибуца Дгания. Позднее была учительницей в Бен-Шемене. Впервые опубликовала стихи в 1912 г. Первый сборник поэтессы "Терновники" продемонстрировал рождение оригинального поэтического дарования. Эстер Раб — первая израильская поэтесса, в творчестве которой отсутствуют "родимые пятна" галута. Наиболее значительные произведения вошли в сборники "Стихотворения Эстер Раб" (1963) и "Последняя молитва" (1973).

ДАЛИЯ РАВИКОВИЧ (1936) — уроженка Рамат-Гана. Воспитывалась в кибуце Гева, закончила гимназию в Хайфе, училась в Иерусалимском университете. Дебютировала в журнале "Орлогин". Автор стихотворных сборников "Любовь к апельсину" (1963), "Трудная зима" (1964), "Третья книга" (1969) и ряда оригинальных и переводных книг для детей. Пишет также рассказы, очерки, критические статьи, сотрудничает в газете "Маарив".

РАХЕЛ (1890—1931) — псевдоним Рахел Бловштейн-Сэла. Родилась в России, в г. Вятке, где почти не было евреев. Получила традиционное еврейское воспитание. Сионистские идеи восприняла от старшего брата Якова — впоследствии видного просветителя, переводчика и автора философских трудов. Когда Рахел исполнилось 10 лет, семья переехала в Полтаву. Здесь Рахел посещала еврейскую народную школу, затем училась в русской гимназии. Семья Рахел сдружилась с замечательным русским писателем-гуманистом Владимиром Короленко, под влиянием которого

го Рахел и ее сестры решили отказаться от поддержки отца, богатого купца, и жить своим трудом. В 1909 году сестры переехали в Эрец-Исраэль и начали работать простыми работницами на учебной сельскохозяйственной ферме у озера Киннерет. К этому периоду относится знакомство Рахел с известным идеологом возвращения к физическому труду на земле А. Д. Гордоном, которому поэтесса посвящает свое первое стихотворение.

В 1913 году она уехала во Францию и поступила в Тулузе в высшее сельскохозяйственное училище. Первая мировая война прервала занятия Рахел. Будучи русской подданной, она не могла вернуться в Эрец-Исраэль и вынуждена была уехать в Россию. Поселилась в Одессе, где работала с детьми еврейских беженцев. В результате систематического недоедания заболела туберкулезом. В 1919 году на пароходе "Руслан" вернулась в Эрец-Исраэль. Поселилась в киббуце Дгания, но из-за обострения болезни вынуждена была оставить киббуц и перебраться в Иерусалим (позднее жила в Тель-Авиве). Некоторое время преподавала иврит взрослым и приобщала девушек из восточных общин к основам земледелия. Лучшие стихи Рахелы написаны в последние годы жизни. Она перевела на иврит стихи Анны Ахматовой, Иннокентия Анненского, Марии Шкапской, Поля Верлена, Мориса Метерлинка, Владислава Ходасевича, Сергея Есенина и других поэтов и опубликовала ряд коротких очерков, зарисовок и рецензий.

ХАНА СЕНЕШ (1921—1944) — героическая дочь еврейского народа и одаренная поэтесса. Родилась в Будапеште в семье известного еврейско-венгерского драматурга Белы Сенеша. Еще в школе начала писать стихи на венгерском языке, обратившие на себя внимание. Газеты писали о Хане Сенеш как о "большой надежде венгерской поэзии". Рост антисемитизма в Венгрии и в Европе привел Хану Сенеш, выросшую в ассимилированной семье, в ряды сионистской молодежи. Она изучает иврит, еврейскую историю и литературу и мечтает о переезде в Эрец-Исраэль. Эта мечта осуществилась в сентябре 1939 года. Хана училась в сельскохозяйственной школе в

Нахалале, а затем вступила в киббуц Сдот-Ям. Когда, спустя несколько лет, стало известно о масштабах Катастрофы европейского еврейства, она добровольно вступила в отряд парашютистов Хаганы. По замыслу руководителей Хаганы небольшие группы отважных и хорошо подготовленных бойцов должны были быть заброшены в немецкие тылы на территорию оккупированных стран и организовать там сопротивление евреев, загнанных в гетто. 13 марта 1944 г. Хана Сенеш была заброшена в тыл врага и приземлилась на партизанской базе Югославии, где провела около трех месяцев, пытаясь пересечь венгерскую границу. Ей удалось сделать это 9 июня, но на следующий день она попала в руки нацистов. 7 ноября 1944 г., после пяти месяцев допросов и пыток в фашистском застенке, Хана Сенеш была казнена. В 1950 году ее останки были доставлены в Израиль и захоронены на горе Герцля в Иерусалиме.

Литературное наследие Ханы Сенеш невелико, но ее стихи, отрывки из дневников и писем звучат на литературных вечерах и встречах молодежи в школах, киббуцах, клубах и воинских частях. Некоторые из ее стихов положены на музыку и стали подлинно народными песнями. Подробно о ее творчестве, героической жизни и смерти рассказывает сборник "Хана Сенеш" ("Библиотека-Алия", 1975).

АЛИЗА ТУР-МАЛКА (1926) родилась в Иерусалиме. Училась в гимназии, затем в Иерусалимском университете и в высшем художественном училище "Бецалел". Во время Войны за независимость состояла в подпольной организации "Лехи". Жена одного из крупнейших современных еврейских поэтов Ури-Цви Гринберга (скончался в 1981 г.). Печататься начала с 15-летнего возраста. В 1963 г. вышел в свет сборник избранных произведений "Куст боярышника".

ХЕДВА ХАРЕХАВИ (ГАРКАВИ) (1941) родилась в киббуце Дгания-Бет, где жила до 16-летнего возраста. Затем вместе с родителями переехала в Иерусалим. Закончив гимназию, поступила в 1968 г. в Высшее художественное училище "Бецалел". Участ-

вовала во многих выставках израильских художников, публиковала стихи в периодической печати. Первый сборник стихов "Потому-то он царь" издала в 1974 г. Он удостоился премии им. Ньюмана, присуждаемой Домом писателя им. Хаима Хазаза. Недавно вышел в свет второй сборник стихов поэтессы "Ади".

ПУА ШАЛЕВ-ТОРЕН (1930) родилась в Тель-Авиве. Закончила Иерусалимский университет. Опубликовала исследование о поэтическом творчестве писателя-просветителя А. Б. Готеобера. Автор стихотворных сборников "Строфы между складками веера", "Сердце мое бодрствует", "Душа вещей" и иллюстраций к ним. Перевела 9 книг известного индийского писателя Рабиндраната Тагора. Главный мотив ее творчества — любовь к мужу и сыну.

БАТ-ШЕВА ШАРИФ (1937) родилась в Тель-Авиве в семье строительного рабочего. Окончила гимназию "Герцлия". В Иерусалимском университете изучала философию и литературу. Преподавала литературу в школах, сейчас работает инструктором-методистом по литературе в Министерстве просвещения и культуры. Опубликовала семь сборников стихов.

НООМИ ШЕМЕР (1930) родилась в кибуце Кинерет. Закончила Академию музыки им. Рубина в Иерусалиме. Автор текстов и музыки многих популярных песен. Особенно широко известна ее песня "Золотой Иерусалим", написанная в канун Шестидневной войны и ставшая своеобразным гимном вечной столицы Израиля. (Последняя строфа добавлена поэтессой после победы). Опубликовала пять сборников песен с нотами. В 1960 г. получила первую премию на конкурсе современной песни в Италии.

ЭЛИШЕВА (1888—1949) — псевдоним Елизаветы Ивановны Жирковой-Быховской. Родилась в Рязани в семье русского народного учителя (впоследствии — книгоиздателя). Мать ее, обрусевшая ирландка, скончалась, когда девочке было три года. Будущая

поэтесса росла и воспитывалась в Москве, в доме своей тетки, сестры матери. Окончила гимназию и Высшие педагогические курсы. Еще в гимназические годы начала писать стихи и опубликовала два поэтических сборника. Знакомство и дружба с еврейской семьей заставили ее заинтересоваться ивритом. В течение двух лет занималась на высших вечерних курсах иврита в Москве и настолько овладела им, что стала переводить с иврита на русский. Изучила также идиш. Ей принадлежат переводы рассказов Гершона Шофмана, легенды "На реках Вавилонских" Иехуды Штейнберга, произведений Давида Номберга и Анохи (с языка идиш), "Морских песен" и "Узников Сиона" Иехуды Галеви в обработке Х. Н. Бялика и др. Ее переводы публиковались в русском еженедельнике "Еврейская жизнь", выходившем в Москве, включались в антологии и сборники.

В 1920 г. Элишева вышла замуж за учителя иврита Шимона Быховского и в 1925 г. вместе с мужем переехала в подмандатную Палестину. Начиная с этого времени, она пишет только на иврите. В 1922 г. ее стихи были опубликованы в журнале "Ха-ткуфа" и вызвали большой интерес читателей. Она писала также рассказы, которые печатались не только в Эрец-Исраэль, но и в ивритских изданиях США, Англии и Австрии. В 1929 г. опубликовала роман "Переулки", большая часть действия которого происходит в России после революции 1917 г. Ее перу принадлежат также критические статьи и рецензии на новые книги. Исследование Элишевы об Александре Блоке вышло отдельным изданием под названием "Поэт и человек". Неоднократно выходили отдельными изданиями сборники ее стихов и рассказов.

МИРЬЯМ ЯЛАН-ШТЕКЕЛИС (1902) родилась в местечке Потоки возле г. Кременчуга в семье известного сионистского деятеля И. Л. Виленского. С детства говорит на иврите. Изучала гуманитарные науки в Харьковском университете, иудаизм — в Берлине, библиотечное дело — в Париже. С 1920 г. живет в Эрец-Исраэль. С 1926 по 1958 год руководила славянским отделом национальной библиотеки. Стихи на иврите публикует с 1922 г. За свои стихи

для детей удостоилась в 1956 г. Государственной премии Израиля. Издан трехтомник ее избранных сочинений — "Песнь козочки", "У меня секрет", "Во сне" (1958—1963). Переводит с иврита на другие языки и с многих языков на иврит. Среди ее переводов с русского пользуются большим успехом "Багаж" Самуила Маршака, русские народные сказки ("Аленький цветочек" и др.). Перевела с русского на немецкий дневники и письма Иосефа Труппельдора (1952). Ей принадлежат переводы на иврит дневника Анны Франк, произведений А. Кестлера и др. В 1966 году издала в переводе на русский язык сборник своих стихов и прозы "Ветви" (большинство переводов выполнено самой поэтессой).

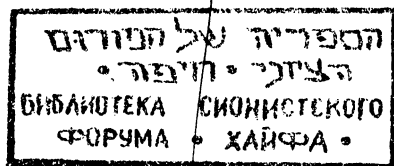

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ

37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ МО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. СТАТЬИ ОБ ИУДАИЗМЕ. Сборник
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНый АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ

72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х.Н. Бялик и И.Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
 Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
 С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ
85. Жак Дерожи. ИСТОРИЯ "ЭКСОДУС – 1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ

עיריית חיפה
 מערכת תרבות הפנאי
 מרכז תרבות לעולים
 בית ארדשטיין - ספריה
 מס. מלאי.....

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
”БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”
ВО ВСЕХ МАГИЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
Р.О.В. 21650
61216 Tel-Aviv
ISRAEL**

ГОТОВИТСЯ К ВЫПУСКУ:

Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ. Перевод с иврита.

Книга рассказывает о становлении национального самосознания евреев Ирака, организации отрядов самообороны и борьбе за алию. После установления пронацистского режима в Ираке во время 2-й мировой войны, еврейская молодежь Ирака, при поддержке посланцев Хаганы, создала боевое подполье и, рискуя своей жизнью, открыла путь в Эрец-Исраэль еврейским массам страны.

Ахарон Аппельфельд. ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. Перевод с иврита.

Автор (р. 1932) — известный израильский прозаик, прошедший через фашистские лагеря смерти, раскрывает тему Катастрофы европейского еврейства средствами универсальной аллегорической символики.

Альберт Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ. Пер. с французского.

Автор, родившийся в Тунисе, дает в своем произведении психологический анализ жизни, мышления и образа действий еврея в диаспоре. Истинное решение еврейской проблемы он видит только в возвращении народа на свою землю, в страну Израиля.